

Посвящается Владыке БОЛЕЕ!

Академик АРИТПБ, к.т.н. Кузьмина Вера Павловна. Книга.
**«Становление Великого шёлкового пути. Азербайджан.
Торговля коврами и ковроткачество»**

2021 – 2022 гг.

Племена Кавказской Албании и торговля на Великом Шелковом Пути

Как известно, возможностью международной торговли по Каспийскому морю интересовался еще Александр Македонский. По его указанию началась подготовка экспедиции во главе с Гераклидом, но преждевременная смерть Александра (323 г. до н.э.) приостановила эти работы. Обследование Каспийского моря было проведено селевкидским военачальником Патроклом лишь спустя 40 лет (283-282 гг. до н. э.).

Подробные сообщения античных авторов о Каспийском море появились именно после этой исследовательской экспедиции. К сожалению, труд Патрокла до нас не дошел. Однако, отчетом Патрокла во время кавказского похода пользовался Помпей, данные Патрокла легли в основу трудов Эратосфена и Аристобула, Агриппа, Марин Тирский и Птолемей при составлении своих карт руководствовались сведениями из путевого отчета Патрокла. Страбон и Плиний также неоднократно ссылаются на Патрокла.

Страбон пишет: *«Аристобул... объявляет Окс самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию и через реку - Кир и следующие затем местности доставляют в Эвксинский Понт».*

Судя по отчету Патрокла, по судоходному Оксу можно «перевезти индийские товары и с легкостью спустить их [сначала] до Гирканского моря, а затем поочередно через реки и до Понта». Страбон также сообщает, что Кура имеет сильное течение, принимает еще много других рек и впадает в Каспийское море. Из притоков Куры, по-видимому, левобережных, он называет Алазаний (Алазань) и еще три других.

По его данным, «все они судоходны». Однако, далее Страбон пишет, что устье Куры «разделилось на 12 рукавов; одни занесены илом, а другие мелки и не могут служить стоянкою для судов». Он объясняет, что русло заполнено обильным илом и вследствие этого «островки [в устьях] соединяются с материком и образуют непостоянные мели».

Наносы ила, продолжает Страбон, образуют покрытый дюнами берег, поэтому «вся эта часть [побережья] неприступна», т. е. недоступна судам.

Вслед за Страбоном, сообщение о существовании 12 рукавов реки Куры приводит Аппиан, который, однако, отмечает, что все они судоходны. У [Гая Плиния Секунда](#), по словам Марка Терренция Варрона (I в. до н. э.), также сохранились данные о том, что «индийские товары, перевезенные через Каспий в Куру, могут быть доставлены не более, как в пять дней сухим путем до Фасиса, который впадает в Понт».

По сведениям Помпония Мелы, Каспийское море «свирепо и бурно, лишено гаваней, со всех сторон открыто бурям, более других кишит морскими чудовищами и поэтому менее посещается мореплавателями».

Приведенные сведения о водно-сухопутном торговом пути из Индии в Понт вызвали неоднозначные мнения у многих исследователей. Часть исследователей полагали, что этот торговый путь существовал в действительности, некоторые другие отрицали его существование.

Так, В.Тарн, а вслед за ним и К.Тревер, предполагали, что вышеуказанные сообщения в трудах античных авторов являются лишь отголосками обсуждения в свое время возможности перевозки товаров из Индии в Черное море, а не фактом действующей транспортировки индийских товаров. Некоторые исследователи основывались при этом на данных Страбона о непроходимых рукавах Куры, а также Мелы — о трудностях мореплавания по Каспийскому морю. Однако, историки полагали, что указанные описания побережья сделаны, очевидно, на основании отчетов Патрокла и относятся к III в. до н. э.

Другие исследователи, отрицая существование этого пути, ссылались на сообщение Страбона о том, что албаны, не имея «склонности к торговле, не употребляли по большей части монет, не зная счета дальше сотни, и вели меновую торговлю», которое, вероятно, относится к IV—III вв. до н. э.

В связи с последним сообщением следует отметить, что о наличии торговых сношений албан с эллинистическим миром свидетельствуют именно нумизматические данные.

В районе Барды был найден клад македонских и селевкидских тетрадрахм II в. до н. э. Также крупный клад (свыше 100 монет), в котором имелись монеты Александра Македонского, царя Фракии Лисимаха (323-281 гг. до н. э.), большое количество селевкидских монет II в. до н.э., несколько парфянских монет и тетрадрахм Греко-Бактрийского царства III—II в. до н.э., был обнаружен в Габале.

По мнению исследователей, уже с первой половины III в. до н. э. с целью удовлетворения потребностей внутреннего рынка в Албании была начата чеканка серебряных монет-подражаний. К эллинистическому периоду относятся клады с монетами-подражаниями драхмам и тетрадрахмам Александра Македонского и Лисимаха, обнаруженные в Габале, село Ньюди (Ахсуинский район) и Хыныслы (Шемахинский район). Эти клады и чеканка монет- подражаний свидетельствуют о широких торговых связях Албании с эллинистическим миром в III—II вв. до н. э.

Спустя некоторое время после греков римские купцы также стремились освоить торговые пути, связывавшие Средиземное и Черное моря с Каспийским морем. В частности, следует отметить и обнаруженную у села Беюк Дегне (Шекинский район) греческую надпись на камне, датируемую I—II вв. н. э. В нескольких десятках километров от Беюк Дегне возле села Нидж (Кабалинский район) были найдены кирпичи с греческими надписями, свидетельствующими о заинтересованности греческих и римских купцов в торговле с Востоком.

Римские монеты I в. до н. э. – II в. н. э. (как республиканские, так и имперские) были обнаружены в Мингечауре, Барде а также в местечке Оренкала у села Тазакенд (Бейлаганский район). Аршакидские монеты того же периода были выявлены во время раскопок в Мингечауре. в Барде, в Гяндже, в селе Хыныслы (Шемахинский район), Калагях (Исмаиллинский район), Чухур-Юрт (Шемахинский район), Насимикенд (Сабирабадский район) и Гарадонлу (Имишлинский район).

Следует отметить, что аршакидские драхмы того же периода, обнаруженные в большом количестве на территории Албании, превалировали среди других монет. Эти находки говорят об интенсивных торговых связях Албании с Парфией и областями Римской империи в I в. до н. э. – II в. н. э.

О связях Албании с античным миром свидетельствуют также и археологические данные. На ее территории было обнаружено большое количество стеклянных изделий, относящихся к античному периоду. Эти находки, в частности, круглодонные, вазоподобные и колбоподобные сосуды, украшенные наlepным орнаментом, плоскодонные стаканы, сосуды для духов и т.п., завозились сюда из других стран.

Анализ этих изделий позволяет прийти к выводу о том, что они относятся к восточно-средиземноморской типологической группе. Привлекает внимание и привозная глазуванная голубовато-зеленая амфора, обнаруженная близ Гянджи. В местечке Гара-каха у с. Зерти (Лачинский район) был найден привозной бронзовый подсвечник с изображением усатой и бородатой маски с открытым ртом. Такие маски были распространены в Риме, особенно в его сирийской провинции, во второй половине I в. н.э. – первой половине II в. н.э.

К этому же времени относятся обнаруженные в Мингячевире, а также в селе Гарамарьям (Гейчайский район) и Рустов (Губинский район) серебряные чаши, привезенные из римских провинций. Эти находки свидетельствуют о наличии торговых связей античной Албании со странами Ближнего Востока, в частности с Сирией.

Среди привозных изделий, большинство из которых было обнаружено в Мингечауре, Гяндже, Хыныслы (Шемахинский район), Торпаггале (Кахский район) и т.д., имеется также глиптика. Это распространенные в древности на обширной территории глиняные буллы и халцедоновые геммы-инталии с различными изображениями.

Некоторые исследователи связывают широкое распространение этих гемм на территории античной Албании с походами римских войск в I в. до н. э., так как они завозились сюда из греко-римских областей, однако полагают, что небольшая часть их была произведена местными мастерами в качестве подражаний привозным образцам.

В Мингячевире были обнаружены серебряные серьги в виде колец с подвешенными пирамидками из зерна пшеницы, характерные для античного периода Мцхеты, Гарни и Дура-Европоса. Они попали на территорию

Кавказской Албании, несомненно, в результате торговли. В Мингячевире, Ялойлутепе (Кабалинский район) и Борсунлу (Геранбойский район) археологи обнаружили большое количество привозных бус из греческих колоний Причерноморья, Рима, Сирии, Египта, а также из Индии, датируемых III—I вв. до н.э. В Мингечауре и Хыныслы (Шемахинский район) было найдено также большое количество амулетов в форме скарабеев из Египта и украшений, изготовленных в Сирии и Финикии.

Все вышеприведенные артефакты, а также выявленные археологами в Мингечауре образцы китайской шелковой ткани, свидетельствуют в пользу наличия широких торговых связей между албанами и населением Передней Азии и реального функционирования торгового пути между Востоком и античным миром, одно из ответвлений которого пролегалось через территорию Албании.

Рассмотрим некоторые племена античной Албании, которые обитали вдоль международного водно-сухопутного пути между Востоком и Западом и могли бы принимать участие в этой торговле.

Каспий

Племя каспиев, обитавшее вдоль юго-западного побережья Каспийского моря, упоминается в целом ряде античных и древневосточных источников.

В Египте были найдены арамейские папирусы ахеменидского времени, датируемые V в. до н.э. В папирусах, обнаруженных в Саккаре (Мемфис), где находился арсенал по сооружению военных кораблей для персидского флота, имеются сведения о том, что здесь работали и каспии.

Геродот упоминает каспиев в XI и XV округах Ахеменидской державы, отмечая в XV округе рядом с каспиями и саков. Описывая одежду и вооружение каспиев, он сообщает: «Каспии были одеты в хитоны из шерсти, имели туземные луки из тростника и акинаки».

По данным Страбона, каспии были одним из прикаспийских племен. Каспиев Страбон упоминает по соседству с албанами, а также с витиями, занимавшими правобережье Куры. Страбон также сообщает: «К области албанцев принадлежит и область Каспиана, названная так по исчезнувшему теперь племени, именем которого названо и море».

Отмеченный выше факт, что каспии находились в далеком Мемфисе в качестве кораблестроителей, является важным для понимания того, почему море, у которого они обитали, было названо именно Каспийским. Очевидно, что каспии, жившие на побережье Каспийского моря и бывшие, как мы знаем

из мемфисских папирусов, искусными кораблестроителями, были не менее опытными мореходами.

С упоминанием каспиев мы сталкиваемся также в произведениях римского поэта Публия Овидия Назона (нач. I в. н. э.). Особенно интересны сообщения Овидия об одрисском городе-крепости Эгис, расположенном в нижнем течении Дуная (г. Тулча в Румынии). Основание этой крепости, по легенде, бытующей среди местных жителей, было связано с каспием по имени Эгис (Caspios Aegises).

Как кажется, эту эпонимическую легенду можно связать с событиями, имевшими место во время похода Дария I против причерноморских скифов, который датируется 516-512 гг. до н. э. В связи с этим представляет интерес упоминание Геродотом племени сигиннов, обитавших у Нижнего Дуная. Геродот сообщает, что они одеваются в мидийскую одежду, разводят низкорослых длинношерстных коней и считают себя потомками мидийских переселенцев.

Свидетельство Геродота относится к середине V в. до н. э., т. е. по времени относительно недалеко отстоит от скифского похода Дария I. Возможно, эти сведения сигнализируют о существовании каких-то торговых связей между каспиями и населением придунайских районов еще в V в. до н. э. Ссылаясь на Эратосфена Страбон пишет, что «местные жители называют Кавказ Каспием, может быть от имени [племени] каспиев».

Кстати, в конце I – начале II вв. Иосиф Флавий и Корнелий Тацит называли Дарьяльское ущелье соответственно «Каспийским проходом» и «Каспийской дорогой». По-видимому, в древности каспии были расселены на более обширной территории, которая к раннему средневековью ограничилась лишь областью Пайтакаран.

Таким образом, по источникам племя каспиев известно с V в. до н. э. Хотя Страбон сообщает, что к его времени племя каспиев уже исчезло, однако еще в конце III в. н. э. в области Пайтакаран существовала страна Казбик (Kasrk), очевидно, связанная с племенем каспиев. По мнению некоторых историков, еще в VII в. н. э. каспии жили по соседству с утиями в области Пайтакаран (до устья Аракса).

Данные источников свидетельствуют о существовании в области Каспиана, по крайней мере, одного довольно крупного города. В местности Оренкала в Мильской степи (Бейлаганский район) было раскопано Тазакендское городище, расположенное на двух холмах, окруженных рвами. Это

городище, датируемое керамикой, монетными и другими находками IV в. до н. э. – I в. н. э., отождествляется с древним городом Пайтакаран, упоминаемым в источниках начала нашей эры. Подробные сведения о занятиях каспиев сохранились у Ктесия и Клавдия Элиана.

Ктесий упоминает рыбу «оксиринос» (в переводе — «остроносая»), водившуюся в Каспийском море, а также безрогих коз и верблюдов, которых разводили каспии.

Элиан рассказывает: *«Я слышал, что в Каспийской земле есть огромное озеро, в котором водятся большие рыбы, называемые «остроносими». Они достигают восьми локтей длины. Каспии ловят их, посыпая солью и приготавливают соленье или сушат, [затем] навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны. Вырезав жир из этих рыб, они делают из него мазь, и соленье продают, а рыбьим маслом, очень жирным и не вонючим, мажутся. Внутренности рыб они вынимают, варят и выделывают из них клей, очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится [на всем] к чему прилипнет, и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им склеят, что если даже мочить его десять дней, он не распустится и не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекраснейшие вещи».*

Упоминание в сообщении Элиана факта употребления осетрового клея мастерами по слоновой кости свидетельствует о связях каспиев с Индией. Элиан также сообщает, что в каспийской земле имеется много стад быков и табунов лошадей.

Он сообщает и о разведении каспиями коз: *«Козы каспиев очень белы, рогов не имеют, ростом малы и тупоносы». Большое значение в хозяйстве имели верблюды, которых у каспиев «имелось большое количество», но они были малорослыми — «самые крупные из них [достигают величины] самых больших лошадей». Шерсть этих верблюдов «очень нежна, так что по мягкости не уступает даже милетской шерсти», «жрецы носят одежды [сотканые] из нее, а также самые богатые и знатные из каспиев ».*

Таким образом, каспии торговали верблюжьей шерстью и сотканной из нее одеждой, вяленой рыбой, маслом и мазью для смазывания тела, осетровым клеем, а также, возможно, бычьей кожей и верховыми лошадьми.

Скифы (саки, сакесины, ортокорибантии)

Судя по древневосточным источникам, в 70-е гг. VII в. до н. э. на Южном Кавказе было основано Скифское царство. Источники свидетельствуют о

гегемонии скифов в Передней Азии, а в VI в. до н.э., наряду с Урарту, Манной и Мидией, упоминают и царство Ашкеназ. Лишь в VI в. до н.э. о «властелинах севера» говорится как о погибшем народе (Библия, Книга Иезекииля, 32, 30).

Археологические материалы, хотя и незначительные, со всей определенностью говорят о том, что в этот период в некоторых районах Северного Азербайджана, в частности в Мингячевире, появляются новые, резко отличающиеся от местных, погребальные памятники, ритуалы и инвентарь, которые свидетельствуют о вторжении нового этнического элемента.

В одном из погребений Мингечаурского некрополя среди могильного инвентаря был обнаружен перстень-печать, на котором изображен воин, несомненно сак-тиграхауда, в остроконечной шапке и скифском одеянии. Археологические следы скифов засвидетельствованы также в Малом кургане в Мильской степи, около г. Гянджа, в Казахском районе, в зоне Шамхорской ГЭС. Соотнося данные археологии со сведениями письменных источников, можно утверждать, что Скифское царство должно быть локализовано в этих областях Азербайджана.

Геродот в XV округе Ахеменидской державы рядом с каспиями отмечает и саков. Вероятно, названные в этом округе саки – это южнокавказские скифы из области, ядро которой позднее греки именовали Сакасеней. Геродот указывает, что во время похода Ксеркса на Грецию (480 г. до н. э.) на каждом корабле персидского флота, помимо представителей покоренных народов, находился еще отряд из 30 человек — персов, мидийцев и саков.

Один вавилонский текст, датированный шестым годом царствования Камбиза (524 г. до н. э.), содержит уникальную параллель к приведенному сообщению Геродота. В документе имеется указание на получение довольствия киммерийцами, служившими на кораблях. В вавилонских текстах под киммерийцами (гимирри) подразумеваются саки.

Из вышесказанного следует, что саки, как и каспии, имели какое-то отношение к морскому делу, а из античных источников мы знаем, что на Каспийском море и на Куре, бывшей в древности более полноводной, было развито судоходство. Из этого можно сделать вывод, что упомянутые в указанном документе саки, возможно, южнокавказские, также принимали участие в торговле по международному водно-сухопутному пути, проходившему через Албанию.

О пребывании скифов на Южном Кавказе свидетельствуют как античные, так и средневековые авторы. Геродот пишет о вторжении скифов в Азию через Кавказ, Ксенофонт сообщает об обитавшем здесь племени скифинов, о скифских племенах, живущих между албанами и амазонками, пишет Страбон, Тацит рассказывает о скифском царе, царствовавшем где-то рядом с албанами и гениохами. Данные средневекового грузинского историка Леонти Мровели (XI в.), восходящие к более древним источникам, подтверждают пребывание скифов у берегов Куры.

У Страбона сохранились сведения о хозяйстве насельников Сакасены. Он сообщает, что *«Гиркания... весьма плодородна... Доказательства благосостояния этой страны следующие: виноградная лоза производит 1 метрет вина, смоковница бо медимнов; хлеб рождается из зерна, выпавшего из соломы; пчелы роятся на деревьях, а мед течет с листьев. То же имеет место... и в Сакамене...»*.

Судя по этим данным, население Сакасены занималось земледелием, виноградарством и, возможно, виноделием, а также пчеловодством. Таким образом, саки, имевшие отношение к морскому делу, могли принимать участие в торговле по Куре, а также экспортировать пшеницу, вино и мед.

Утии

Утии одно из древнейших племен на территории Азербайджана, известное из античных источников, историка Моисея Каланкатуйского, а также из сочинений арабских географов.

Геродот называет утиев в составе XIV округа Ахеменидской державы, в который входили также мюки. Сообщение Геродота об утиях в связи с походом ахеменидского войска во главе с царем Ксерксом на Грецию в 480 г. до н. э. указывает на то, что утии и мюки входили в состав одной военно-административной единицы и, следовательно, были соседями.

Подобно каспиям, утии были одеты в козьи шкуры. Страбон, описывая народы вокруг Каспийского моря, упоминает витиев (утиев) по соседству с амардами, анариаками, каспиями и скифами. Помимо утиев в области Вития обитали также племена эни-анов, паррасиев и анариаков.

Область расселения утиев подтверждается и археологическими данными. Ареал известной ялоилутепинской археологической культуры (IV в. до н.э. – I в. н.э.), впервые обнаруженной в 1926 г. у села Нидж (Габалинский район) в 8 км от Габалы, древней столицы Албании, позволяет предположить, что ее носителями являлись утии.

Следует отметить, что расцвет ялоилутепинской культуры исследователи относят ко II—I вв. до н.э., т.е. к периоду функционирования международного торгового пути, проходившего по территории Албании. Вышеуказанные находки привозных изделий относятся к той же культуре, и тому же хронологическому отрезку.

Анариаки (энареи, парсии)

Античные авторы сообщают, что в области Утия обитало также племя анариаков. Согласно Страбону, анариаки обитали на берегу Каспийского моря по соседству с племенами амардов, гирканцев, кадусиев и витиев. Он же сообщает о том, что анариаков, живущих в Витии, «теперь называют парсиями».

Появление анариаков (из др.иран. a-paryā-ka — «немужественные») на территории Азербайджана, вероятно, восходит ко времени скифских походов. Исходя из этих посылок, а также из более поздних данных, свидетельствующих о существовании обрядов, связанных с культом женского божества плодородия и вещей птицы сизоворонки, некоторые исследователи полагают, что все это должно быть увязано с энареями Геродота, называющего их «женоподобными», и локализовано в албанской области Утия.

Согласно Страбону в области Вития *«находится также город Анариака, где, говорят, показывают оракул для спящих»*, т. е. в этом прорицалище оракул вещал для посетителей, находившихся в состоянии сна. Вероятно, этот город был часто посещаем иностранными торговцами.

Айнианы (энианы)

В области Утия обитали также племена айнианов. Страбон сохранил о них следующие сведения: *«Передают также, что некоторая часть энианов поселилась в Витии, другая же — за горами Абом и Нибаром»*. По поводу этого сообщения Н. Адонц отмечал: *«Наряду с Anī встречается у Хоренского, как известно, и форма Nanī, совпадающая с Nanī Пайтакаранским»*.

В Фессалии к тому же существовала область, название которой по звучанию близко к наименованию области Утия. Очевидно, именно эти обстоятельства и заставили Страбона или его источники приписать строительство указанного города, который, видимо, назывался Хани (Ханхани), племени айнианов.

На деле же этот город был построен албанским племенем хани (ханхани), территория обитания которых — Ханхани (или Халхал) упоминается в «Армянской географии» в составе области Пайтакаран. Халхал, несомненно, входил в состав области Утия.

По мнению исследователей, город Эниана (Айниана) соответствует средневековому городу Юнан арабских авторов, который обычно локализуется в районе азербайджанского города Агдам. Очевидно, что этот город был знаменит своими мастерами, изготавливавшими качественное оружие и медную посуду, вероятно, предназначенные для продажи. Ясно и то, что около города были какие-то гробницы, привлекавшие внимание чужестранцев (по-видимому, греческих торговцев).

Некоторые раннесредневековые авторы сообщают, что близ города Халхал существовала переправа через Куру, а Матвей Эдесский отмечает, что у города через реку был наведен понтонный мост.

Таким образом, вышеприведенные факты позволяют утверждать, что международный водно-сухопутный путь с Востока по Амударье, через Каспийское море, вверх по Куру и далее по Фасису к Черному морю, бывший одним из ответвлений Великого Шелкового пути, в античное время реально функционировал.

Важную роль на албанском отрезке этого пути играла Мингечаурская переправа, связывавшая правобережье Куры с Габалой и другими городами левобережья, бывшая, по-видимому, основным местом перехода через Куру, поскольку остатки древних дорог, идущих от нее, местное население называет «elci yolu» — «дорогой гонцов».

Однако не только Мингячевир был крупным центром посреднической торговли на этом пути. Другим торговым центром мог быть город Айниана (Эниана, Ханхани, Халхал, Юнан), возле которого также имелась переправа через Куру. Изучение и сопоставление источников с археологическими данными позволяет выявить вдоль этого пути такие крупные города, как Партав (Барда), Анариака, Пайтакаран, а также многочисленные мелкие населенные пункты.

Следует отметить, что определенную роль в этой торговле играл и сравнительно далеко отстоявший от Куры крупный город Габала — столица античной Албании. Живущие вдоль международного водно-сухопутного пути племена античной Албании — каспии, утии (витии), айнианы (энианы),

саки (скифы) и анариаки (энареи), принимали активное участие в международной торговле.

Судя по археологическим находкам и данным письменных источников, основными предметами импорта в Албанию были стеклянные изделия, амфоры, подсвечники, серебряные чаши, буллы и геммы-инталии, серьги, бусы, амулеты, шелковые ткани, которые, в основном, поступали из греческих колоний Причерноморья, Сирии, Финикии, Египта, Рима, а также из Индии и Китая.

Экспортируемые из Албании товары были представлены оружием, медной посудой, одеждой из верблюжьей шерсти, пшеницей, вином, вяленой рыбой, маслом и мазью для смазывания тела, осетровым клеем, медом, возможно, экспортировались также кожа и верховые лошади.

***По материалам сборника Международного Института
Центральноазиатских Исследований Рауф Меликов***

Follow @AzerHistory <https://azerhistory.com/?p=30246>

**Все фото и изображения в материалах принадлежат их законным владельцам.*

Отражение социально-экономических связей Азербайджана и Турции в ковроделии <https://azerhistory.com/?p=29299>

Народное искусство Азербайджана является богатейшим источником для изучения истории и культуры своего народа. Одним из древнейших видов народного искусства, является ковроткачество.

Азербайджанский ковер с его богатейшей образной системой декора, щедрой цветовой гаммой, композиционным разнообразием является носителем древних народных традиций, сокровищницей мотивов национального орнамента, неисчерпаемым источником художественных форм, способным питать различные виды народного искусства.

Изучение и сопоставление традиционных орнаментальных мотивов в ковровых изделиях ряда тюркоязычных народов позволяет говорить о древних этно-культурных связях этих народов.

Давая оценку ковроткацкому искусству, турецкий ученый Октай Асланапа писал, что ковер вобрал богатый опыт и тысячелетние традиции Древнего Востока, и стал ценнейшим вкладом тюрков в сокровищницу мировой культуры.

Изучение ковров отдельных тюркоязычных народов позволяет заметить в них специфические, присущие только данному народу черты, отражающие конкретные хозяйственно-культурные и социальные условия.

Развитие азербайджанских ковров было сложным и динамичным. В них наряду со своеобразными специфическими чертами, имеется ряд черт общих с орнаментальными мотивами в ковровом искусстве других тюркоязычных народов.

В связи с этой проблемой представляют интерес ковры Азербайджана и Турции, в которых много общего и сходного. Это прежде всего объясняется этнокультурными и историческими связями этих народов, в результате которых сложились общие черты в культуре этих народов.

Особенно следует отметить процесс взаимовлияния в ковроткацком искусстве Азербайджана и Турции в XVI веке, которое особенно ярко проявило себя в связи со сложившейся исторической ситуацией.

Как известно, во время похода султана Сулеймана в Азербайджан в XV в. им была отправлена в Стамбул большая группа ремесленников из Тебриза. Переселенные в Турцию азербайджанские мастера, называемые “джемает” распространялись в специальных пунктах соответственно их

профессиональной направленности и мастерству. Среди них были выделены группа художников “джамаати наггашани еджем”, группа ковроткачей “джемаате гаичебафан, и зодчих – “джамаате мемаран”.

Турецкий исследователь Бисе Четинтюрк пишет, “джамаати галичебафан” работали в основном в дворцовой мастерской.

Турецкие ворсовые и безворсовые ковры неповторимостью композиционных и орнаментальных форм, и традиционным специфическим колоритом ныне занимает одно из первых мест среди ковров восточных стран.

В турецких коврах XVI-XVII веков прослеживается сильное влияние ковров Тебризской школы. Особенно заметно это в молитвенных коврах этого периода. Несомненно, большую роль в этом сыграли ковроткачи переселенные из Тебриза. Кроме того, в Турцию поставлялись молитвенные ковры из Тебриза, что также способствовало распространению художественной композиции молитвенных ковров Тебриза.

В одном из источников “Баррасихае тарихи”, автор ссылаясь на книгу “Китабе Мирасе Иран” сообщает, что Шах Тахмасиб I писал османскому правителю Султану Сулейману, что эскизы хали для большой мечети основанной великим Синаном (Мечеть Сулейманийе) сделает он сам и просил Султана сообщить ему необходимые размеры. В источнике так же говорится, что эти хали были во время сотканы и отправлены в мечеть “Сулейманийе”.

Таким образом, Азербайджан в течении многих веков поддерживал с Турцией тесные культурно-экономические связи, что нашло особенно яркое отражение в ковровом деле.

Как, известно, в отличие от южного Азербайджана, где ковроткачеством наряду с женщинами, занимались мужчины и малолетние мальчики, в Северном Азербайджане ковроткачеством занимались в основном женщины и девочки. Следует отметить, что в Средневековом Тебризе ковровая продукция производилась в основном в мастерских – кархане и предназначалась непосредственно для сбыта на рынке.

В Северном Азербайджане ковроткачеством занимались женщины, работавшие на дому. Они производили ковры, как для собственного употребления, так и на продажу. Особенно характерно было товарное производство ковровых изделий для Гянджа-Казахской, Карабахской, Шемахинской, Бакинской и Кубинской зон. В этих зонах находились важнейшие центры коврового Закавказья в XIX – начале XX века.

Исследователь Шемахинского, Геокчайского и Елизаветпольского уездов (г.Гянджа) Н.А.Абелов писал: *“По обширности сбыта ковры занимают первое место в ряду перечисленных предметов. Выделка всевозможных ковров производится у туземного населения как оседлого, так и кочевого: в редком крестьянском доме – нет станка, число ежегодно изготавливаемых ковров зависит от числа женских рабочих рук. Лучшего сорта ковры выделяются в селении Караязы и в Зардобских поселках Геокчайского уезда, а также в селении Араб-кадым, Шемахинского уезда. Ширванские ковры отправляются в большом количестве в Турцию, где на них имеется спрос”... а что касается Елизаветпольского уезда, то здесь также излишки ковров сбываются на сторону (отправляются для продажив за границу).”*

В конце XIX в. в Азербайджане появляются специализированные магазины по продаже ковров в Баку, в Гяндже, Шуше, Кубе, Нухе (Шеки), Шемахе, а также в Батуми и Тифлисе. Торговлей коврами занимались азербайджанцы, а также персы, горские евреи и др. Купцы скупали у местных ремесленников их изделия по дешевым ценам и продавали их турецким, западно-

европейским и американским фирмам, таким как Измир, Петах, Зиглер, Кац и др.

Представители этих фирм, покупая азербайджанские ковры крупными партиями, вывозили их через Батумский карантинно-таможенный пункт в Турцию, Западную Европу и Америку.

О динамике экспорта ковровых изделий свидетельствуют следующие данные. В 1886-1900 г. экспорт ковровых изделий из Закавказья составил 33120 пудов, из которых 30259 пудов или 90 % приходилось на долю Азербайджана; в 1901-1914 гг. экспорт из Закавказья составил в среднем 52007 пудов, из которых 49 193 пудов (94,6 %) приходилось на долю Азербайджана.

Ковры из Азербайджана экспортировались в основном в Турцию Австро-Венгрию, Францию, Германию, Англию, Финляндию. По объему импорта азербайджанских ковров первое место занимала Турция, на ее долю приходилось более 80% ковров и ковровых изделий.

В конце XIX века в Стамбуле был создан ряд крупных торговых и транспортных предприятий России – Русский внешнеторговый банк, общество торгового пароходства и другие торговые фирмы. Здесь находились русские подданные, торговавшие ввозимыми из России товарами, в том числе и торговцы коврами. По документам, пять из шести торговцев коврами из числа российских подданных в Стамбуле были азербайджанцы. Эти купцы в Азербайджане назывались “истамбулчу”.

Исследования показали, что азербайджанские купцы, торговавшие коврами в Турции увозили оттуда на родину прекрасные ювелирные изделия, кальяны, ткани, молитвенные турецкие ковры ручной работы и бархатные ковры – молитвенники, производившиеся на станках. Некоторые мастера в Ширване использовали композицию этих ковров при производстве молитвенных ковров.

В заключение необходимо отметить, что взаимные экономические и культурные связи, как видно, проявились в производстве ковровых изделий. Взаимовлияние обогатило орнаментальные мотивы ворсовых и безворсовых ковров, производившихся в Турции и Азербайджане. Анализ народных традиционных орнаментов свидетельствует о древних тесных связях Азербайджана и Турции.

По материалам сборника статей по декоративно-прикладному искусству Азербайджана

Follow @AzerHistory К.Алиева <https://azerhistory.com/?p=29299>

**Все фото и изображения в материалах принадлежат их законным владельцам.*

**Шедевры азербайджанских мастеров: ковры Тебризской школы
(ФОТО) <https://azerhistory.com/?p=21761>**

Ковроткачество является одним из наиболее древних и широко распространенных видов азербайджанского народно-прикладного искусства. Этот илюбленный азербайджанским народом вид искусства веками бережно передавался из поколения в поколение.

Мистера создавали уникальные ковры, художественное совершенство которых и поныне радует и удивляет.

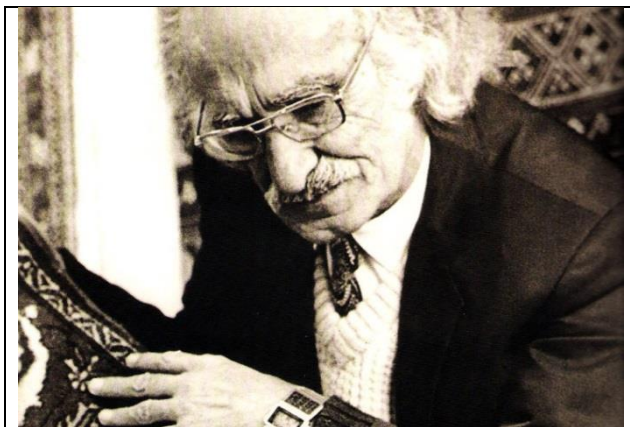
В исторических источниках сохранились многочисленные сведения о высокоразвитом производстве ковров в Азербайджане и о вывозе их в разные страны. И не случайно, что уже с 15 в. азербайджанские ковры изображались на полотнах европейских художников.

Всемирно признанное искусство азербайджанского ковра дало возможность выделить их в 7 школ: Баку, Гянджа, Карабах, Ширван, Губа, Газах и Тебриз. Фотографии и оформление комплекта – Г.Гусейнзаде.

<https://azerhistory.com/?p=21761>

<https://azerhistory.com/?p=48433>

Ковры и мугам: о музыкальных страстях известного ковроведа Лятифа Керимова

Имя народного художника Азербайджана Лятифа Керимова, 100-летие которого в 2006 году отмечалось в рамках ЮНЕСКО, хорошо известно в мире как выдающегося специалиста, эксперта в области коврового и, шире, орнаментального искусства.

Лауреат Сталинской премии первой степени (1950), Лятиф Керимов известен как основатель первого в мире Музея Ковра, как автор трёхтомного фундаментального научного труда «Азербайджанский ковер», в котором им была доказана принадлежность Азербайджану многих ковров персидской и кавказской группы.

Сочетание качеств исследователя и мастера-практика коврового искусства, глубокое знание особенностей традиционного орнамента позволили Л.Керимову создать новые декоративные мотивы, претворив их в многочисленных ковровых, ювелирных, керамических изделиях, архитектурных работах и художественных эскизах.

Особое место в его жизни занимала музыка, мугамное искусство.

Уроженец Карабаха, Шуши, известных своими музыкальными талантами, Лятиф Керимов даже в довольно почтенном возрасте негромким, но проникновенным голосом напевал отрывки из мугамов, тонко чувствовал их глубину и своеобразие.

По его признанию, в юности, живя по семейным обстоятельствам в Иране, он был одним из лучших учеников медресе по чтению нараспев Корана, особенно ему удавались мугамы Хиджаз, Махур, Сегах. Но наиболее сильные эмоции вызывал в нем мугам Баяты-Тюрк: юный Лятиф не мог без слез слушать и исполнять Баяты-Тюрк, при звучании этого мугама он острее ощущал свою отдалённость от родной страны.

Такие же сильные эмоции вызывал в нем мугам Сегах. Хотя мугам (макам) Сегах известен в традиционной музыке многих народов Востока, однако, по общепринятому мнению профессиональных музыкантов различных стран, именно разновидности азербайджанского мугама Сегах наиболее впечатляют, задевают глубинные чувства слушателей. Это же мнение

высказал и известный иранский музыковед первой половины XX века Рухулла Халеги.

Неслучайно, что именно Ляtif Керимов был одним из первых по достоинству оценивших замечательную, своеобразную интерпретацию мугама Сегях тогда еще молодого, а впоследствии известного во многих странах мира талантливого кеманчиста Габиля Алиева. Благодаря Л. Керимову за музыкантом закрепилось почётное прозвище «Габиль-Сегях».

Музыка, мугамы сопровождали Ляtif-муаллима и в других областях жизни. Так, например, в молодые годы, в Иране, он посещал спортивные занятия в Зорхане – «Доме Силы». Здесь проходили подготовку силовые спортсмены-атлеты, выступавшие в спортивно-музыкальных зрелищных мероприятиях. В то же время в участниках воспитывались и высокие моральные качества: великодушие, сострадание, щедрость, скромность. Физические упражнения выполнялись с различными спортивными снарядами, тяжелыми предметами, такими как гири («санг»), палицы («сино»), разновидности копий («мил», «низе», «каббадэ»).

Специфика этих занятий заключалась в том, что каждое упражнение выполнялось на фоне специально подобранного музыкального (чаще вокального) и ритмического сопровождения на ударном инструменте. Содержание и эмоционально-эстетический характер исполняемых фрагментов вокального ритмического мугама и других традиционных вокальных жанров определялись заранее, в соответствии с характером и ритмом сменяющихся физических упражнений.

Безусловно, для успешного выполнения этих сложных упражнений необходимы были особые физические и музыкальные способности, которыми обладал Л. Керимов. В этот же период в Иране, в театральном кружке он участвовал в постановке на языке фарси музыкальных комедий Узеира Гаджибекова.

Познания Л. Керимова в музыке не ограничивались мугамным искусством.

Острый музыкальный слух и чувство ритма помогали ему и в дискуссиях со специалистами-арузоведами, когда возникали спорные ситуации по определению вида и способа декламации стихотворения, написанного в поэтическом размере аруз: в данной ситуации большое значение имеет точное ощущение долготы и краткости гласных, а также длительности пауз между словами.

Вместе со своим другом известным арузоведом, профессором Акромом Джафаром, Л.Керимов часто обсуждал особенности восточной классической поэзии. Они даже читали на память стихи на фарси и азербайджанском языках Г.Тебризи, Фирдоуси, Хагани, Низами Гянджеви, Омар Хайама, Хафиза Ширази, Имадеддина Насими, Сейид Азима Ширвани.

Большой интерес вызывало у Лятифа Керимова исследование этимологии художественной и музыкальной терминологии, исторических корней видов и жанров изобразительного и музыкального искусства Азербайджана и Востока в целом.

Несмотря на то, что он не был профессиональным музыкантом, его, как представителя азербайджанской культуры, патриота страны всегда беспокоила неизученность проблем истории музыки Азербайджана прошлых веков, отсутствие научных исследований богатого музыкального наследия азербайджанского народа.

Лятиф Керимов был одним из первых в Азербайджане, кто опубликовал статью о жизни основателя восточной музыкально-теоретической системной школы, выдающегося азербайджанского ученого-музыканта XIII века [Сафиаддина Урмави](#). Многогранному образу Сафиаддина Урмави он посвятил и ковер.

Отдавая дань уважения памяти своему учителю по изобразительному искусству, талантливому иранскому художнику XX века Хусейну Бехзаду Тахирзаде (1894-1968), портретную часть ковра Л. Керимов выполнил на основе его картины «Сафиаддин Урмави». Все остальные фрагменты ковра явились оригинальным авторским решением Керимова.

В сюжете ковра проявились глубокие знания Л.Керимова истории музыкального искусства Востока: портрет ученого-музыканта изображен на фоне двух редких струнных музыкальных инструментов – нузха и мугни, их изобретение приписывается самому Урмави. Описание и рисунки этих инструментов впервые были зафиксированы в рукописях XIV века: в трактатах о музыке анонимного автора (на арабском языке), Хасана Кашани (на фарси) и автора XV века Ахмедоглу Шукруллаха (на тюркском). Впоследствии эти рисунки были опубликованы в статье известного турецкого музыковеда Рауфа Екта Бея (1871-1935) и британского музыковеда-востоковеда Генри Джорджа Фармера «История музыки Ислама в изображениях».

обозначение 17-ти ступенного звукоряда. Фоном для портрета служат изображения, созданных Урмави инструментов мугни и нузха.

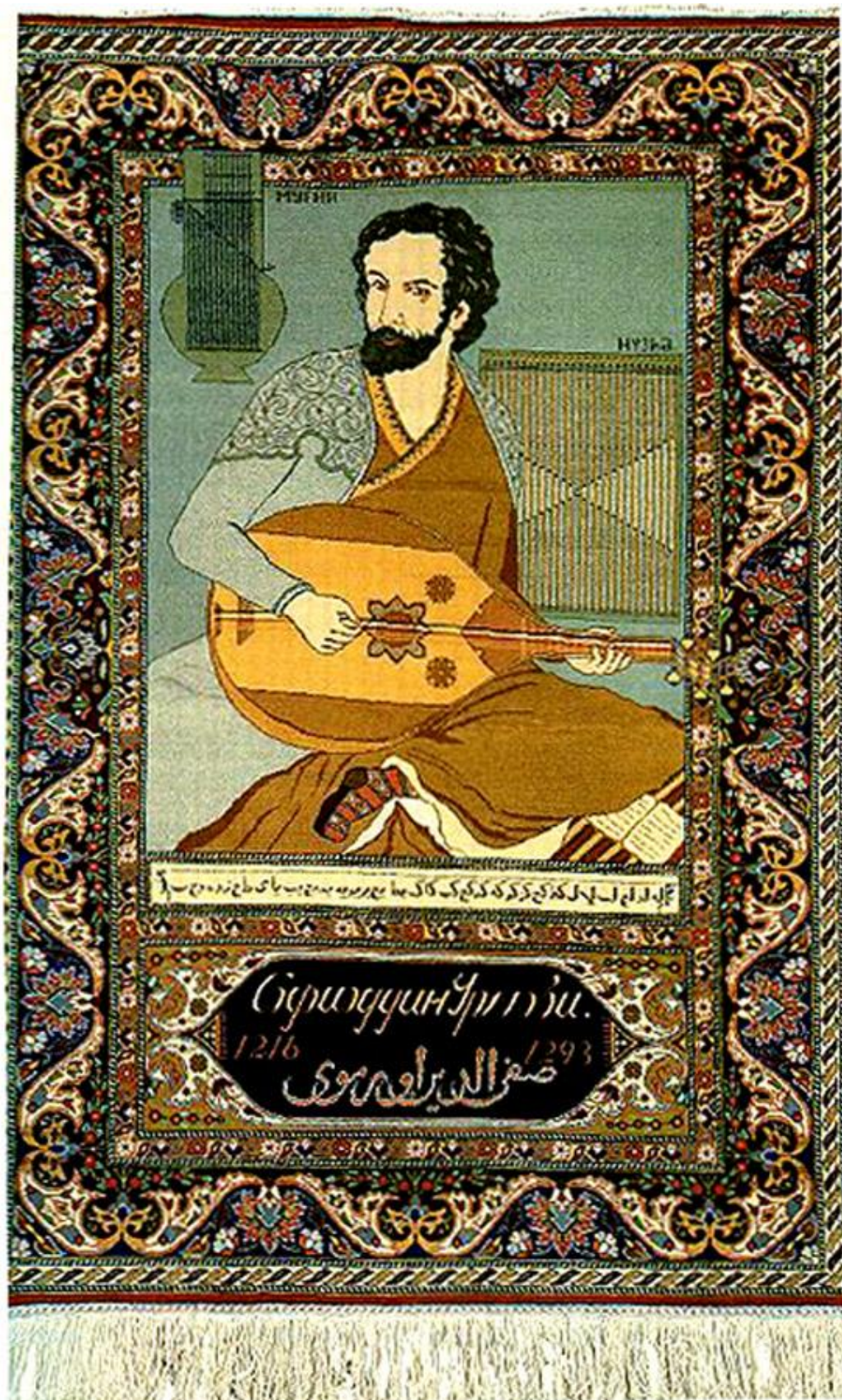
На ковре, под портретом Урмави были вытканы 17 буквосочетаний арабского алфавита – системы «абджад», они представляют собой своеобразную средневековую нотную письменность, созданную Сафиаддином Урмави. Ниже были отмечены даты жизни и имя учёного-музыканта на азербайджанском и арабском языках.

Ковёр «Сафиаддин Урмави» Лятифа Керимова. 1975 г. Под портретом – буквенное Л.Керимов справедливо считал, что помимо исследования творчества Урмави, важным условием для воссоздания истории науки о музыке Азербайджана является изучение теоретических трудов и другого выдающегося средневекового азербайджанского ученого – Абдулгадира Мараги (1353-1435).

О роли этого ученого в развитии музыкального искусства Ближнего и Среднего Востока писали в своих статьях как зарубежные, так и отечественные исследователи. Если о научной и творческой деятельности Урмави уже в то время было издано несколько трудов с комментариями на восточных и европейских языках, то специальное научное исследование, посвященное творчеству Мараги, еще не было написано.

Изданный в Иране в 1966 году вариант небольшого трактата «Магасид аль-альхан» («Цель/назначение мелодий»), хотя и был заметным событием в музыкальном источниковедении, но он не восполнил в достаточной степени имеющийся пробел в истории музыки. Оригиналы рукописей Мараги, написанных на фарси, хранились в библиотеках Турции, Ирана, Великобритании и других зарубежных стран. Отсутствие этих рукописей в Азербайджане побудило Л.Керимова искать возможности для приобретения фотокопий и микрофильмов этих трактатов. Многие из них были присланы ему в дар, как эксперту по ковровому искусству, интересующегося историей музыкального искусства Востока.

В 1972 году в связи с необходимостью работы сотрудников отдела музыкального искусства с архивными материалами, написанных на азербайджанском языке арабским шрифтом, Лятиф Керимов, по просьбе дирекции Института архитектуры и искусства, стал вести занятия в отделе музыки по изучению старинного алфавита и персидского языка. Несмотря на загруженность своей творческой и научной работой, Лятиф Керимов проводил занятия неторопливо и внимательно. Надежда, что в дальнейшем

кто-то из сотрудников реализует его многолетнюю мечту – займется исследованием средневековых трактатов о музыке Азербайджана, и в частности трактатов о музыке Абдулгадира Мараги – не оставляла его.

Безусловно, осуществление этой идеи было сопряжено с большими сложностями. На занятиях в музыкальном отделе только начинали изучать азы современного персидского алфавита и языка.

А трактаты Мараги были написаны на языке фарси 600-летней давности, со специфическими для того периода лингвистическими и терминологическими трудностями, текст изобилует музыкально-теоретическими рассуждениями, схемами и таблицами.

Более того, имеющийся материал представлял собой трудночитаемые фотокопии или микрофильмы рукописей, а не современные печатные издания. И тем не менее, начало было положено.

В процессе исследования рукописей Абдулгадира Мараги были обнаружены уникальные документы – указы правителей, восхваляющих талант музыканта, а также автобиография в стихах, написанная Мараги в конце своей жизни. Изучение этой рукописи позволило уточнить многие важные факты не только биографии, но и творчества выдающегося ученого-музыканта. Эти уникальные факты в дальнейшем были опубликованы.

Посвящая свое непродолжительное свободное время любимому занятию – чтению и перечитыванию произведений средневековых поэтов Азербайджана и Ирана, исторических книг и толковых словарей прошлых веков на тюркском, арабском и фарси, Л.Керимов сталкивался с многочисленными музыкальными терминами, именами музыкантов того периода и их биографиями.

Дело в том, что в далеком прошлом, раздел о музыке был необходимой составной частью различных философских и математических научных трудов, исторических хроник и энциклопедий, а музыкальная эрудиция восточных поэтов-классиков, знание теории музыки позволяли им выражать своё мировоззрение и создавать поэтические образы, используя музыкальные термины своего времени.

Это был ценный материал по истории восточной музыки, который привлек внимание Л.Керимова. Встречающиеся термины и их разъяснение он выписывал на отдельные листочки, в качестве материала для будущей книги – толкового словаря восточных музыкальных терминов прошлых веков.

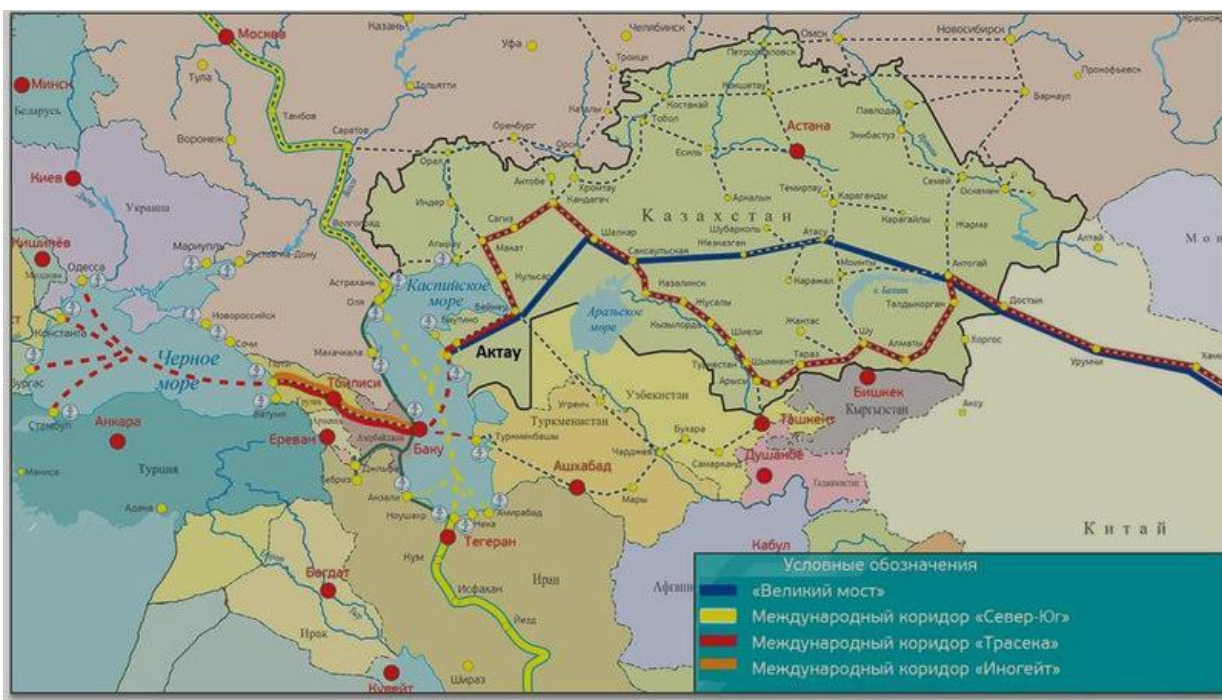
Вместе с тем, будучи самокритичным и скрупулезным ученым, Керимов считал, что для придания словарю профессиональный, музыковедческий характер необходимо расширить краткие историко-литературные разъяснения: добавить музыкально-теоретические сведения, почерпнутые непосредственно из первоисточников – средневековых трактатов о музыке Фараби, Хорезми, Ибн Сины, Нишапури, Урмави, Ширази, Мараги, Джами, Ахмедоглу, Кантемира и других авторов прошлых веков.

Несмотря на большую занятость в сфере орнаментального искусства, у Л.Керимова никогда не возникало сомнений по поводу возможности осуществления такого долгосрочного «музыкального» плана. Невероятная трудоспособность, разносторонность интересов, чувство юмора и любовь к жизни помогали ему преодолевать трудности и с оптимизмом смотреть в будущее.

Однако сильные переживания в связи с оккупацией армянами Карабаха и потерей в тот период родной Шуши, трагические события января 1990 года существенно подорвали его здоровье (он ушел из жизни в сентябре 1991 года) и надолго отсрочили издание словаря.

По материалам журнала “Проблемы искусства и культуры” С.Агаева

<https://azerhistory.com/?p=48433>

В данной подборке – шедевры мастеров Тебризской школы:

Ворсовый ковер "Омар Хайям со своей возлюбленной". Тебризская школа.

Ворсовый ковер. Тебризская школа.

Ворсовый ковер "Времена года". Тебризская школа.

Посвящается Владыке БОЛЕЕ!

Azerhistory.com

Ковер ворсовый – “Дервиши”. Тебризская школа.

Ковер ворсовый “Дорд фесил”. Тебризская школа.

Посвящается Владыке БОЛЕЕ!

Академик АРИТПБ, к.т.н. Кузьмина Вера Павловна.
Книга «Становление Великого шёлкового пути. Азербайджан.
Торговля коврами и ковроткачество »

Ворсовый ковер “Сюжетный”. Тебризская школа.

Ворсовый ковер “Сюжетный”. Тебризская школа

Шедевры азербайджанских мастеров: ковры Губинской школы (ФОТО)
<https://azerhistory.com/?p=21732>

Шедевры азербайджанских мастеров: ковры Губинской школы (ФОТО)

Ковроткачество является одним из наиболее древних и широко распространенных видов азербайджанского народно-прикладного искусства. Этот илюбленный азербайджанским народом вид искусства веками бережно передавался из поколения в поколение.

Мистера создавали уникальные ковры, художественное совершенство которых и поныне радует и удивляет.

В исторических источниках сохранились многочисленные сведения о высокоразвитом производстве ковров в Азербайджане и о вывозе их в разные страны. И не случайно, что уже с 15 в. азербайджанские ковры изображались на полотнах европейских художников.

Всемирно признанное искусство азербайджанского ковра дало возможность выделить их в 7 школ: Баку, Гянджа, Карабах, Ширван, Губа, Газах и Тебриз. Фотографии и оформление комплекта – Г.Гусейнзаде.

В данной подборке – шедевры мастеров Губинской школы:

Ворсовый ковер "Голлу-Чичи". Губинская школа

Ворсовый ковер “Зейва”. Губинская школа

Ворсовый ковер “Герат-Пирабедил”. Губинская школа

Ковер ворсовый. Губинская школа

Ворсовый ковер “Хан Чешниси”. Губинская школа

<https://azerhistory.com/?p=21745>

Шедевры азербайджанских мастеров: ковры Карабахской школы (ФОТО)

Ковроткачество является одним из наиболее древних и широко распространенных видов азербайджанского народно-прикладного искусства. Этот илюбленный азербайджанским народом вид искусства веками бережно передавался из поколения в поколение.

Мистера создавали уникальные ковры, художественное совершенство которых и поныне радует и удивляет.

В исторических источниках сохранились многочисленные сведения о высокоразвитом производстве ковров в Азербайджане и о вывозе их в разные страны. И не случайно, что уже с 15 в. азербайджанские ковры изображались на полотнах европейских художников.

Всемирно признанное искусство азербайджанского ковра дало возможность выделить их в 7 школ: ***Баку, Гянджа, Карабах, Ширван, Губа, Газах и Тебриз.***

Фотографии и оформление комплекта – Г.Гусейнзаде.

В данной подборке – шедевры мастеров Карабахской школы:

Ворсовый ковер "Ханлыг". Шуша 19 в. Карабахская школа.

Ворсовый ковер “Сагдыда Гюллер”. Карабахская школа.

Ворсовый ковер "Овчулуг". Карабахская школа.

Ворсовый ковер “Рустам и Сохраб”. Карабахская школа

[Шедевры азербайджанских мастеров: ковры Ширванской и Газахской школ \(ФОТО\)](https://azerhistory.com/?p=21752)
<https://azerhistory.com/?p=21752>

Шедевры азербайджанских мастеров: ковры Ширванской и Газахской школ (ФОТО)

Ковроткачество является одним из наиболее древних и широко распространенных видов азербайджанского народно-прикладного искусства. Этот илюбленный азербайджанским народом вид искусства веками бережно передавался из поколения в поколение.

Мистера создавали уникальные ковры, художественное совершенство которых и поныне радует и удивляет.

В исторических источниках сохранились многочисленные сведения о высокоразвитом производстве ковров в Азербайджане и о вывозе их в разные страны. И не случайно, что уже с 15 в. азербайджанские ковры изображались на полотнах европейских художников.

Всемирно признанное искусство азербайджанского ковра дало возможность выделить их в 7 школ: Баку, Гянджа, Карабах, Ширван, Губа, Газах и Тебриз. Фотографии и оформление комплекта – Г.Гусейнзаде.

В данной подборке – шедевры мастеров Ширванской и Газахской школ:

Ворсовый ковер. Газахская школа

Ворсовый ковер “Гейчели”. Газахская школа.

Ворсовый ковер “Шильян”. Ширванская школа.

Ворсовый ковер "Биджо". Ширванская школа.

Ворсовый ковер “Биджо”. Ширванская школа. <https://azerhistory.com/?p=21752>

Follow @AzerHistory

**Все фото и изображения в материалах принадлежат их законным владельцам.*

Шедевры азербайджанских мастеров: ковры Бакинской школы (ФОТО)

<https://azerhistory.com/?p=21771>

Ковроткачество является одним из наиболее древних и широко распространенных видов азербайджанского народно-прикладного искусства. Этот илюбленный азербайджанским народом вид искусства веками бережно передавался из поколения в поколение.

Мистера создавали уникальные ковры, художественное совершенство которых и поныне радует и удивляет.

В исторических источниках сохранились многочисленные сведения о высокоразвитом производстве ковров в Азербайджане и о вывозе их в разные страны. И не случайно, что уже с 15 в. азербайджанские ковры изображались на полотнах европейских художников.

Всемирно признанное искусство азербайджанского ковра дало возможность выделить их в 7 школ: Баку, Гянджа, Карабах, Ширван, Губа, Газах и Тебриз. Фотографии и оформление комплекта – Г.Гусейнзаде.

В данной подборке – шедевры мастеров Бакинской школы:

Ковер безворсовый, сюжетный "Зили". Бакинская школа.

Ворсовый ковер “Шеби Хиджран”. Бакинская школа. Автор – Э.Микаилов

Ворсовый ковер “Меджнун среди зверей”. Бакинская школа. Автор – Л.Керимов.

Ковер ворсовый “Хила Бута”. Бакинская школа. <https://azerhistory.com/?p=21771>

Отражение социально-экономических связей Азербайджана и Турции в ковроделии <https://azerhistory.com/?p=29299>

<https://azerhistory.com/?p=32221>

Карабахский ковер «Челеби»: История, происхождение и символизм мотивов

Ковер «Челеби» является одним из самых ярких и своеобразных в Карабахской группе ковров Азербайджана.

Один из наиболее ранних ковров «Челеби» датируется концом XVII – началом XVIII веков), будучи сотканным в эпоху правления династии Сефевидов. В свое время этот ковер был передан в Музей Турецкого и Исламского Искусства (Стамбул).

Старинные ковры «Челеби» высоко ценятся на мировых аукционах. Так, в 2001 году на аукционе Christie's ковер «Челеби» конца XVIII века был оценен в 42,500\$, а на аукционе 2010 года – в 34,000\$.

Следует отметить, несмотря на то, что ковер «Челеби» относится к Карабахской группе, в Европе и Америке его порою называют «Kazakh Eagle» и «Kazak Gelaberd», ошибочно определяя его в группу Казахских ковров.

Другое широко распространенное название этого ковра – «Sunburst», что означает «восход солнца». Это искусственное название связано с дизайном центрального медальона ковра. Действительно, медальон «Челеби» напоминает восходящее солнце.

В армянских источниках название ковра «Челеби» было заменено на «Jraberd». Смена аутентичного названия преследовала цель увязать происхождение ковра с вымышленным и арменизированным названием региона Нагорного Карабаха. После оккупации армянской армией Мардакертского района (Тертерского района Азербайджана) в ходе карабахской войны, район был переименован в Джрабердский. Так «появились» ковры «Джраберд».

К слову, А.С.Пиралов и М.Д.Исаев, сообщающие сведения о ковровом производстве в населенных пунктах Южного Кавказа в конце XIX – начале XX веков, не упоминают Джраберд в качестве региона или населенного пункта, где ткались ковры с подобным дизайном. Такое название не встречается и в другом, достаточно подробном обзоре коврового ремесла в Карабахе – в коллективном труде Я. Зедгенидзе, С. Зохраббекова, А.Тер Егизарова «Производство ковров и паласов в Шуше».

Известно, что названия ковров отражают названия населенных пунктов, где они были сотканы. В большинстве случаев топонимы Южного Кавказа имеют характер этнотопонимов, то есть название деревни или района носит название племени, клана, общины. В этом отношении название ковров «Челеби» не является исключением: их родиной являются две деревни Челеби (Джебраильский и Бардинский регионы Карабаха). Основу сельской общины в этих деревнях изначально составлял клан с этническим названием Челеби.

С годами мировые коллекции (за пределами Азербайджана) накопили определенное количество ковров «Челеби», датированных с конца XVIII века – до конца Первой Мировой Войны. Многочисленные ковры «Челеби», сотканные с конца 20-х годов XX века – являются репликами классических ковров. Производством ковров «Челеби» занималась созданная в 1927 году в Азербайджане ковровая мануфактура, превратившаяся впоследствии в Научно-творческое производственное объединение «Азерхалча».

Материалы и технология ковров «Челеби» характеризуется стабильной узнаваемостью на протяжении длительного времени: материал – шерсть, ткачество-ворсовое, с симметричным узлом и двумя уточными нитями (верхняя и нижняя). Подавляющее большинство ковров «Челеби» имели красный фон. Лучи центрального медальона имели белый цвет фона, а крестообразный мотив центрального медальона, как правило, зеленого цвета.

Деревня Челеби в Джебраильском районе Азербайджана

«ЧЕЛЕБИ» – ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМИОЛОГИЯ

Начало XVIII в. Сефевидский период. Карабахская провинция

Население карабахских деревень Челеби исторически являлось потомками тюркских огузов. Термин «Челеби» является культурным термином тюркского происхождения. Он встречается в названиях религиозных рангов, титулов, обозначениях социального статуса, названиях слоев общества, а также в личных именах.

В исследовании видного востоковеда В.Бартольда «История и филология тюркского и монгольского народов» дается обширная информация о происхождении данного термина. Согласно В.Бартольду, впервые данный термин упоминается в письменных источниках XIV века. Однако в качестве личного имени мы встречаем его уже в имени Хусам ад-Дина Челеби, умершего в 1284 году – главы суфийского тариката, занявшего этот пост после смерти Джалаладдина Руми.

В суфийской поэзии азербайджанского поэта первой четверти XV века Гасым аль-Анвар термин «челеби» использован в значении «ашиг»

(влюбленный). В символике суфиев «ашиг» – это влюбленный в Аллаха, возлюбленный Аллаха. Другое значение данного термина – «избранный Аллахом».

После XVII века в исторических документах и литературе термин «Челеби» постепенно стал заменяться термином «эфенди»(господин, аристократ), обозначающим социальный статус.

Что касается этимологии термина «челеби», его происхождение связывают с архаическим тюркским словом «Чалаб» (Всевышний), которое в османском диалекте приобрело форму «Челеб». Слово «челеб», ранее встречавшееся в личных именах («преданный богу», «богоугодный»), а впоследствии, в этнонимах и топонимах, дополнилось присоединением окончания «и» к корню слова «челеб».

Как известно, на мусульманском Востоке, добавление окончания «и» к личным именам указывает на географическое происхождение. Например: тот, кто из города Рум – становился Руми, Тебриз – Тебризи, Ширван – Ширвани, Карабах – Карабаги и т.д.

Говоря о географии термина «Челеби», кроме Азербайджана следует упомянуть село Челеби в провинции Кырыккале на территории Турции, Иранскую деревню Челеби, село Челеби и гору в Крымской области Украины, город Челябинск в России, и сотни других.

Слово «Челеби» встречается в личных именах многих исторических личностей. Среди них сын Джалаладдина Руми – Султан Велед, который взял себе псевдоним «Челеби», после чего, весь его род стал называть себя – Челеби. Сына турецкого Султана Мурада I называли «Челеби Эмир»(господин Челеби). Кроме того, слово Челеби присутствует в имени знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби. Правителем Шекинского ханства Азербайджана в 18 веке был Гаджи Челеби Каджар.

ИКОНОГРАФИЯ И СИМВОЛИЗМ

Иконографическую устойчивость дизайна ковра «Челеби» обеспечивает его канонизированный центральный медальон. Несмотря на период развития и «кристаллизации» дизайна медальона, он по-прежнему остается основным архаичным и узнаваем мотивом ковра.

Дизайны каймы в коврах «Челеби» характеризуются многовариантностью. В них можно встретить мотивы, присущие не только карабахским, но и газехским, губинским и ширванским коврам Азербайджана. Эти

«заимствования» свидетельствуют о тесных исторических связях карабахского ковра с коврами других групп азербайджанских ковров. Иконографический анализ медальонов большинства классических ковров «Челеби» из мировых коллекций позволяет проследить его эволюцию.

Период ханств (1735-1805 гг.) – ковры из деревни Челеби

Усложнение и обогащение дизайна происходило в крупных, дворцовых коврах и наоборот, упрощение дизайна – происходило в поздних коммерческих коврах «Челеби», созданных в период деятельности Кавказского кустарного Комитета Российской Империи.

В ранних вариантах дизайна медальона, предпочтение отдавалось растительным мотивам, в более поздних вариантах – усиливался геометризм, стилизация, появились абстрактные и символические мотивы.

Период ханств (1735-1805 гг.) – ковры из деревни Челеби

В коврах конца 17-го века дизайн медальона ковра имитирует цветок подсолнечника. В более поздних, он постепенно превращается в лучистое солнце. В последующем, лучистое солнце, постепенно теряя свою визуальную фигуративность – превращается в символический мотив источника света.

В последующих вариантах дизайна медальона, в центре лучистого солнца постепенно появляется ромбический мотив – кристалл, алмаз. В центре светящегося алмаза появляется источник света мелкий крестобразный мотив (крест-звезда). Эти абстрактные орнаментальные мотивы образуют эффект бесконечной глубины и символизируют сакральный свет.

<https://azerhistory.com/?p=32221> Т. Ибрагимов

Карабахский ковер “Гасымушагы” и его “драконовые” предки

<https://azerhistory.com/?p=32323>

Карабахские ковры Южного Кавказа всегда отличались своими художественно-техническими свойствами и древним символизмом. Одним из самых узнаваемых в этой группе, является ковер «Гасымушагы». Основные элементы дизайна этого ковра впервые появились в знаменитых «драконовых» коврах Сефевидской эпохи, что позволяет говорить о длительной устойчивости традиций его ткачества.

Ковры Гасымушагы относятся к Джебраильской подгруппе Карабахской группы ковров. На ковры этой подгруппы оказали сильное влияние традиции тебризского ковроткачества. Это влияние было исторически обусловлено тем, что Джебраильский регион Карабаха граничит (через реку Араз) с Южным (Иранским) Азербайджаном. Через Джебраил, караванный маршрут веками соединял горный и равнинный Карабах с Южно-Азербайджанскими городами Тебриз, Хой, Урмия, Ардебиль, и др.

Кроме Джебраильской подгруппы, в Карабахскую группу ковров входит Шушинская подгруппа, охватывающая нагорную часть Карабаха и подгруппа Равнинного Карабаха с культурным и ремесленным центром в городе Барда.

Надо отметить, что вся система декора ковра «Гасимушагы» образована из различных растительных и цветочных мотивов, что является характерной чертой и тебризских и карабахских ковров. Богатая флора Карабаха оказала влияние на ковровое ремесло этого региона, в котором легко узнаются стилизованные мотивы местных растений, цветов, плодов и ягод. Многие эксперты восточных ковров, в своих классификациях, включали ковры «Гасимушагы» в группу так называемых «драконовых» ковров Карабаха (по азербайджански – «Аждахалы»).

Общее родство ковров «Гасимушагы» и знаменитых «драконовых» ковров Карабаха неоспоримо. Отличие в том, что драконовые ковры, так до конца и остались элитным продуктом дворцовых мастерских (кархане), а ковры «Гасимушагы» получили распространение в народном ремесле ковро ткачества.

ДИЗАЙН, СИМВОЛИЗМ И “ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ» КОРНИ

Этно-территориальный ареал «Гасимушагы обасы» (ареал проживания племени Гасимушагы)

Возникновение и формирование основных мотивов дизайна ковров «Гасимушагы» приходится на вторую половину XVIII века – период возникновения независимых феодальных государств в кавказской провинции

бывшей Сефевидской Империи. Одним из таких государств – было Карабахское ханство, включавшее Нагорные и Низменные регионы.

Распад Сефевидского государства и образование независимых феодальных государств на территории Сефевидской империи – изменил не только политическую, но и экономическую и культурную жизнь в регионах. Утрата тесных культурных связей между Северным и Южным Азербайджаном, в результате феодальной раздробленности – стала причиной «провинциализации» коврового ремесла в Карабахе и появления новых тенденций его развития.

На первоначальном этапе, резко уменьшилось производство больших дворцовых ковров, которые раньше изготавливались и поставлялись в сефевидские дворцы Иранского Азербайджана. Уменьшилось и количество ковров, поступающих в Карабах по караванными маршрутами из крупных ковровых рынков Тебриза, Мараги, Ардебилля и других городов Иранского Азербайджана. Обрыв торгово-экономических и культурных связей отрицательно сказался на развитии коврового ремесла не только в Карабахе, но и других ремесленных центров на территории Северного Азербайджана.

В результате постоянных феодальных войн, происходивших между ханствами, стали исчезать и внутренние торгово-ремесленные связи между Карабахом, Гянджой, Газахом, Арраном, Ширваном, Муганью и другими регионами некогда единого Сефевидского государства. Из-за нарушения культурного обмена, подпитывавшего традиции коврового ремесла, карабахским ткачам приходилось все чаще и чаще модифицировать старые дизайны ковров и создавать новые художественные контексты из старых орнаментальных мотивов.

С конца XVIII века, старые дизайны больших дворцовых ковров сефевидской эпохи, стали упрощаться, приобретая новые художественные особенности. Начали создаваться новые художественные традиции ковро ткачества у местных племен и кланов, проживавших в Карабахе. Одним из таких племен, создавших свой собственный, традиционный ковровый дизайн – было племя, именовавшее себя – «Гасымушагы».

Племя «Гасымушагы» исторически проживало в горной части Карабаха (позднее Лачинский район Карабаха). Племя Гасымушагы, происходило из Киркукских тюркменов и считало своим прадедом общего мифического тотема (пир), которого звали Гасым. Многочисленные кланы племени

называли себя Гасым ушагы, что означало – Дети Гасыма. Отсюда и появилось название «Гасымушагы»- «Дети/потомки Гасыма».

Разрастаясь, племя основывало новые деревни, среди которых были Шамкенд, Кюрдхаджи, Чорман, Шалва, Арикли, Пичениш и др. В последствии, все эти родственные деревни образовали этно-территориальный ареал, с названием «Гасымушагы обасы»(ареал проживания Гасымушагы).

Этническая и географическая общность проживания всех этих кланов, обусловили появление общего названия традиционных ковров, которые ткались в деревнях «Гасымушагы обасы».

Прототип основного мотива ковра «Гасымушагы», имелся уже в старых «драконовых» коврах Карабаха, сотканных еще во времена сефевидской эпохи. В тех коврах, прототип знаменитого мотива ковра «Гасымушаги» – «Аг гол»(«белый рукав») присутствовал в качестве элемента, образующего сетчатый дизайн «драконовых» ковров. В них, прототипы «белых рукавов» ковра «Гасымушагы» – имеют легко узнаваемое растительно-цветочное содержание.

В их дизайне, белые и черные(варианты: красные, синие) листья участвуют в образовании общей решетчатой структуры среднего поля ковров. В ромбической формы ячейках этой решетки помещены изображения драконов, давших название коврам. Образованная из белых и черных листьев решетка – воспринималась как «магическая защищающая сеть», талисман. Художественно-символический образ дизайна ковра воспринимался, как мистический, непроходимый и заколдованный лес, в котором обитают драконы-защитники.

Мотив «белый рукав» в коврах «Гасымушагы» является стилизованной имитацией тех самых белых зубчатых листьев старых «драконовых» ковров. Дизайн тех сефевидских ковров известен в Азербайджане еще под одним, старым названием – «Хатаи».

Начиная со второй половины XVIII века, сначала в вышивках, а позже – и в коврах в местных коврах «Гасымушагы» происходит фрагментация сложного старого дизайна сефевидских «драконовых» ковров. Причина этого в том, что в это время перестали поступать заказы на создание крупных и роскошных ковров для украшения сефевидских дворцов.

Уменьшение размеров ковра и упрощение дизайна осуществлялось способом фрагментации дизайна сефевидских ковров. Ткался уже не весь ковер, а один

Ковер «Гасымушагы», конец XIX века

или два его фрагмента. Простое ограничение сотканного фрагмента декоративной каймой придавало новому ковру завершённый и цельный вид. Так, сложные сетчатые дизайны сефевидских «драконовых» ковров, постепенно превращались в медальонные дизайны. Распад централизованного Сефевидского государства и превращение его бывшей Карабахской провинции – в самостоятельное феодальное государство, привело к тому, что заказчиками ковров становились представители средних сословий.

В сефевидской эпохе основными заказчиками ковров были представители дворцовой аристократии. Смена заказчиков повлияла не только на размеры ковров, но и на богатство декора и качество материалов. Вместе с тем, не стоит забывать, что технические рисунки ковров теперь уже, создавались не профессиональными дворцовыми художниками, как раньше, а местными мастерами и ткачами. Все это не могло не влиять на художественно-техническое качество ковров.

Ранний этап создания и формирования нового дизайна ковра «Гасымушагы» – нагляднее всего отражают народные вышивки созданные в «Гасымушагы обасы». В самых ранних экземплярах этих вышивок, известный нам мотив «Аг гол» («Белый рукав»), как и в «драконовых» коврах сефевидского периода, все еще оставался элементом сетчатого дизайна. Вместе с тем, уже в этих вышивках мотив сефевидского «дракона» был заменен цветочным медальоном.

В результате такого «рестайлинга», старый дизайн «драконовых ковров» приобрел новую художественную интерпретацию – сначала в народных вышивках, а затем и в местных коврах. Центральный медальон ковра «Гасымушагы», вместе с примыкающими к нему мотивами «Аг гол» («белый рукав») – образует основной отличительный мотив ковра. Дизайн имел цветочное происхождение, тем не менее, в среде старых ткачей назывался «Аждаха» («Дракон») и «Аграб» («Паук»).

Мотив центрального медальона, «переселившийся» с вышивок, приобрел более геометризovanную и стилизованную форму – в виде крупного четырехлепесткового медальона (rosette) ковра «Гасымушагы».

Наравне с центральным медальоном и «белыми рукавами» («Аг гол»), в дизайне ковра присутствовали и мелкие орнаментальные мотивы, заполнявшие пространство центрального поля. Большинство из этих мотивов имели растительную природу и изображали цветы, бутоны, листья, вьюнки.

Ковер «Гасымушагы», начало XX века

Имелись также геометрические, астральные, зооморфные, антропоморфные мотивы и тамговые (племенные) знаки. В серединном поле ковра часто можно было увидеть крючкообразные знаки-талисманы и изображения богини-матери.

Дизайн ковра «Аг гол» («Гасымушагы») окончательно формируется в Карабахе к концу XIX века. К этому времени еще более усиливается тенденция схематизации и стилизации дизайна ковра. Одной из основных причин этого было снижение плотности узлов в коврах конца XVIII – начала XIX века. Толстые и грубые нити не позволяли адекватно повторять мелкие и сложные мотивы старых сефевидских ковров.

Подвергшись «рестайлингу», дизайн карабахского ковра «Аг гол» («Гасымушагы») полностью преобразился. Сначала это произошло в плоско тканых коврах сумах и лишь затем – в ворсовых коврах.

Ковер «Гасымушагы», конец XIX века

Следующий этап дальнейшего упрощения дизайна ковров «Гасымушагы» приходится на XIX век. В конце 20-х годов этого столетия, исторические территории проживания азербайджанского народа были разделены между Россией и Ираном. Территории, расположенные к северу от реки Араз, включая Карабах – вошли в состав Российской Империи, а земли к югу от реки – были присоединены к Ирану. Это историческое событие привело к окончательному разрыву исторических и культурных связей, объединяющих карабахские и тебризские ковровые традиции.

Ковер «Гасымушагы», начало XX века

Экономическая политика, проводимая Российской Империей на территориях своих колоний, оказала влияние и на ковровое искусство. Так, в конце XIX века Кавказское отделение Всероссийского Кустарного комитета предприняло масштабные мероприятия по увеличению производства ковров на Южном Кавказе. Увеличение тиража ковровых изделий, их коммерциализация – привели к еще большему упрощению и стандартизации карабахских ковров, в том числе, ковра «Гасымушагы».

Коммерческая популяризация и распространение коврового ремесла в Карабахе уже в советскую эпоху (после 1920 г.), имело как положительные, так и негативные результаты. Положительным стало то, что традиционное ремесло ковро ткачества Карабаха получило новый, сильный импульс для развития. Негативным же результатом было – коммерческое упрощение дизайнов, уменьшение размеров и снижение качества материалов ковров. Все это вместе взятое, способствовало тому, что традиционные карабахские ковры превратились из уникальных произведений искусства – в ремесленный товар бытового потребления для граждан с ограниченными материальными возможностями.

Карабахский ковер «Гасымушагы» с необычным дизайном, прошел длинный путь развития – от крупных «драконовых» ковров сефевидской эпохи – до небольших медальонных ковров с белыми парными «рукавами» («Аг гол»), отходящими вверх и вниз от центрального медальона.

Ковер, созданный в небольшом этно-географическом регионе Карабаха, с названием «Гасымушагы обасы», был создан и исторически ткался в контексте художественно-технических традиций, объединяющих ковровые ремесла Тебриза и Карабаха.

Ковер «Гасымушагы», традиционный дизайн которого окончательно сформировался в начале 19-го века, обладая всеми признаками, свойственными карабахскому ковро ткачеству, тем не менее, имел множество параллелей в мотивах и символизме соседних центров ковро ткачества Азербайджана. Эти параллели, а порою и явное родство, наблюдались в коврах Ширвана, Нахичевани, Казаха, Кубы и даже соседнего Дагестана.

Процесс совершенствования и «кристаллизации» медальона ковра «Челеби» на протяжении длительного периода, свидетельствует о художественной и символической эволюции мотивов ковра. Исходя из того, что первыми ткачами ковров «Челеби» были суфии, давшие ковра свое имя, понятным становится направление усовершенствования мотива.

Историческое развитие дизайна медальона символически отражает мистический путь духовного совершенствования секты ткачей – челеби. Исходя из их учения о «мистическом духовном путешествии», суфий, освобождаясь от животных позывов телесности – проходит три стадии духовного совершенства: «шариат», «тарикат» и «марифат». Прохождение этих этапов (макамы), в финале, приводит к мистическому озарению, вспышке (sunburst) и превращению телесного «Я» в свет («nur»), с последующем слиянием, растворением (fana) «Я» в свете божественного первоисточника.

Мистическое путешествие и духовное совершенствование ткача-челеби достигало своей кульминации в мистическом экстазе, символизируемым вспышкой сакрального света. Этот духовный экстаз символически отображен в медальоне ковра «Челеби».

Большинство экспертов по восточным коврам признавали, что дизайн медальона «Челеби» и его цветовое решение напоминают вспышку яркого света, неожиданный восход солнца. Название «Sunburst», данное западными экспертами ковра отражает реальный эффект восприятия.

Символизм ковра «Челеби» не является простым этно-культурным или ремесленным феноменом определенной конфессии. Ковер с его центральным медальоном воспринимался как «мистическое зеркало», отражающее духовное состояние ткача-Челеби.

По материалам Академии Наук Азербайджана Т.Ибрагимов

Follow @AzerHistory <https://azerhistory.com/?p=32323>

ДЕРЕВНИ «ЧЕЛЕБИ» В КАРАБАХЕ

Ковер “Челеби» из Карабаха (конец XIX в.) – из частной коллекции
Возникновение в Карабахе деревень с названием «Челеби», является интересным культурным феноменом эпохи средневековья. Название деревни не является географическим оронимом, ойконимом или хоронимом. Название деревни произошло от самоназвания суфийской секты, называвших себя Челеби и компактно проживавших в эти деревнях.

Из письменных источников известно, что правители династии Сефевидов проявляли большой интерес к исламскому мистицизму и теософии, оказывая поддержку носителям этих учений. Вместе с тем, известно, что сефевидские правители традиционно проводили жаркое лето в прохладных, высокогорных летовках (яйлаг) Карабаха. Вслед за шахским дворцом в Карабах перекочевывали и многочисленные суфийские секты.

Это явилось причиной распространения в Карабахе многочисленных челеби, софулу(суфии), халвати и др. сообществ, многие из которых так и остались в Карабахе, образовав поселения и деревни. Отметим, что наиболее ранние ковры «Челеби» возникли в поздне-сефевидской эпохе, в конце XVII – начале XVIII века.

Ковер «Челеби» из Карабаха (1800-1899 гг.)

**Все фото и изображения в материалах принадлежат их законным владельцам.*

После смерти Надир шаха и разделения централизованного государства на феодальные ханства (примерно в середине XVIII века) усилился процесс образования конфессиональных сообществ. Именно в это время возникают топонимы «Челеби» в Карабахе.

Ткачество ковров, имевшее корпоративный характер, явилось той экономической основой, на которой существовали эти деревни. Натуральный обмен продуктов производства способствовал длительному сохранению традиций ткачества ковров в этих деревнях.

По сообщениям разных источников, суфии сыграли большую роль в распространении ковроткачества на мусульманском Востоке. Ковры, сотканые суфиями-челеби, с большой долей вероятности можно назвать материализованными свидетельствами их духовных поисков и мистических путешествий и озарений.

В процессе ткачества ковра, ткачи-суфии превращаясь в путников мистических путешествий, создавали «символический автопортрет» своего духовного состояния. Ткавшиеся ряд за рядом бесконечные узлы ковра «Челеби», становились материализованными стоянками мистического путешествия ткача.

Знаменитый медальон (розетка) «Челеби» имеется уже в коврах конца XVII века, сотканных в Карабахской провинции Сефевидской Империи. Эти, большого размера флоральные ковры имели общее родство со знаменитыми «драконовыми» коврами. И те, и другие, ткались в ковровых мастерских Карабаха, выполнявших крупные заказы сефевидских правителей. Дизайны «цветочных» и «драконовых» ковров выполнялись одними и теми же профессиональными художниками.

Тяготение Сефевидского правителя Шаха Аббаса мистическим учением суфиев нашло отражение в литературе, каллиграфии, изобразительном и ковровом искусствах этой эпохи. Адептами мистического символизма были суфийские братства, объединенные в различных ремесленных цехах, в том числе – ковровом. С распадом Сефевидского государства, дизайны крупных дворцовых Карабахских ковров стали упрощаться и превращаться в медальонные дизайны.

Одним из крупных ремесленных центров равнинного Карабаха в это время было поселение («куллие») с каравансараем, мечетью и медресе, построенном шейхом Хаджи Гараман Челеби в 1088 году хиджры (1678). Со

временем, его поселение («куллие» – сборное место) превратилось в деревню, с названием Челеби. Часть жителей этой деревни переселившись на

Как
менялся медальон на коврах «Челеби» (конец XVII – нач. XVIII вв.) – (вторая половина XVIII вв.) – (XIX – нач. XX вв.)

север Карабаха (район Барда) и обосновали там еще одну деревню Челеби. В обоих деревнях ткались ковры «Челеби» с идентичным дизайном.

Ковры «Челеби» демонстрируют узнаваемые традиции ковров Карабахской группы, которая имеет прямые художественные связи с Тебризской, Газахской, Ширванской и Губинской группами Азербайджанских ковров.

Деревня Челеби Джебраильского района Карабаха была полностью разрушена в результате армянской оккупации. Но название деревни продолжает «жить» в коврах, сотканных в этой деревне и в названии коврового дизайна, созданного когда-то ткачами-суфиями.

По материалам Академии Наук Азербайджана [Follow @AzerHistory](https://azerhistory.com/?p=37369)

**Все фото и изображения в материалах принадлежат их законным владельцам.*

<https://azerhistory.com/?p=37369>

Из истории азербайджанских драконовых ковров «Верни» и «Зили»

Почти все гладко-тканые Кавказские драконовые ковры «Верни» и «Зили» датируются концом XIX – началом XX века. Абсолютное большинство этих ковров происходят из Карабаха. Однако, имеются и редкие экземпляры, сотканые в *Ширване, Нахчыване и Дагестане*. Имелись также *иранские и азиатские реплики*.

Мотив дракона ковров «Верни» и «Зили» имеет свой прототип в знаменитых ворсовых коврах сефевидской эпохи. Иконографический анализ изображений драконов сефевидских ковров и кавказских плоско-тканых «Верни» и «Зили» конца XIX- начала XX века, позволил сделать уверенные выводы о генетическом родстве этого мотива в обеих группах ковров. Не вызывает сомнения и иконографическая преемственность этого мотива.

Корни символизма мотива «дракон» восходят к древней, доисламской талисманической функции защиты от зла, дарования удачи, силы, власти и процветания. Присутствие изображения дракона в ковре осуществляло магическую защиту жизненного пространства обладателя ковра. Этим и объясняется «живучесть» этого символа в коврах на протяжении столетий.

В дворцовых коврах образы дракона помимо защитной, выполняли функцию репрезентации силы, величия и власти правителя. В народных же и племенных коврах, драконы выполняли талисманическую и декоративную функцию украшения интерьера жилища.

В ранних сефевидских коврах (XVI в.) изображения драконов в основном выполнены в фигуративном, реалистическом стиле и легко узнаваемы. Их изображения имеются и на так называемых “райских коврах” Табриза и Ардабиля. Драконы на этих коврах чаще изображались в паре с мифической птицей Симург. Вместе с тем, ни в одном из этих ковров не встречается изображения дракона, летящего или стоящего в «перевернутом» виде(ногами-вверх, головой –вниз).

Иконографический анализ сефевидских «садовых» и «охотничьих» ковров (а именно они и были предтечами «драконовых» ковров) позволил выявить интересную закономерность изображения животных в этих коврах: перевернутое вверх ногами животное (будь то копытное или хищник) – это знак поверженного (побежденного, убитого) животного. В соответствии с этой закономерностью, дракон в сефевидских коврах никак не мог быть изображен перевернутым вверх ногами.

Растения, животные и птицы центрального поля/медальона сефевидских ковров изображались с единой точки взгляда, приблизительно совпадающей с оптическим центром ковра. Взгляд из центра ковра на его прямоугольное пространство, неизбежно ограничивается сверху, снизу и боковыми краями ковра. Таким образом, «верх» и «низ» ковра актуализировались естественным образом.

Сефевидские сюжетные ковры с драконами не имели вертикальную или горизонтальную симметрию, но зато обладали однозначно воспринимаемыми «верхом» и «низом» ковра. Дракон, в пространственной системе координат ковра, оставался легко узнаваемым персонажем сюжета.

При попытке изобразить его в перевернутом виде (вниз головой) – он становился плохо (трудно) узнаваемым и это противоречило традиции. Традиция правильного (верх-низ) расположения дракона в ковре указывает на то, что сефевидские ковры предназначались для дворцовых стен и развешивались так же, как и европейские шпалеры.

Таким образом, уже в ранних сефевидских коврах, фигура дракона, имевшего «верх» и «низ» – размещалась исходя из единой и статичной точки взгляда на ковровое пространство.

При этом, «верх» фигуры дракона – отождествлялся с рогатой головой, а «низ» – с чешуйчатыми, когтистым ногами и хвостом.

Все это говорит о том, что уже в этих коврах была утверждена традиция изображения дракона, в соответствии особенностями человеческого восприятия «верха» и «низа» любого пространства. Не стоит забывать и то,

Эпоха Сефевидов. Изображения драконов на коврах. XVI в.

что окружающее ковер пространство также имело «верх» и «низ».

Изобразительный характер ранних сефевидских ковров с фигуративными драконами указывает на то, что художник при создании мотива руководствовался методом простого зеркального отображения (реалистический метод) увиденного или виртуального сюжета. Художники ковра создавали «картину

видения» сюжета в соответствии с естественными особенностями человеческого зрения и естественным восприятием пространства, имеющем «верх» и «низ».

Орнаментальные «драконовые» ковры эпохи шаха Аббаса

В начале XVII века сефевидский шах Аббас Великий лично участвует в реформировании коврового производства в своей империи. Начинаясь эпоха коммерциализации сефевидских ковров. С этого времени предпочтение отдается не сложным и уникальным сюжетным коврам, а орнаментальным, которые легче было дублировать, тиражировать и ткать.

Орнаментализация мотивов предполагала их определенную «стандартизацию» методом стилизации и геометризации мотивов,

повторяющихся в раппортах дизайна. В этом заключается дизайнерский концепт знаменитых сефевидских «драконовых» ковров эпохи Шаха Аббаса. Новый процесс рестайлинга дизайна сюжетных «драконовых» ковров наиболее отчетливо виден в Карабахских коврах XVII века. ***Карабах был провинцией Сефевидской империи, вновь отвоеванной шахом Аббасом у Османов в 1606 г.***

Карабахские традиции ковра характеризовались использованием в их дизайне *южно-азербайджанских* (Табриз, Ардабиль) ковровых традиций с предпочтением в дизайне *растительных и цветочных мотивов*. Вместе с тем, эти ковры обладали и *кавказскими чертами*, в которых преобладали *геометрические стилизации* все тех же *растительных и зооморфных мотивов*.

Этот местный (**Карабахский**) синтез фигуративного и геометризованного стиля оказал решающее воздействие на появление хорошо знакомой иконографии мотива дракона сефевидских ковров XVII века.

Стили “драконовых” сефевидских ковров. XVII век

На динамику карабахской стилизации и геометризации мотива оказало сильное влияние и технология гладко-тканного ткачества. Средняя плотность узлов Карабахских ковров «Верни» и «Зили» соответствует 35-55 узлам в дм². Техника ткачества сложным обматыванием шерстяной декоробразующей нити вокруг нитей основы, не позволяла создавать сложные фигуративные изображения драконов.

Единственным возможным решением было предельное упрощение, схематизация и геометрическая стилизация фигуративного сефевидского дракона, что можно наблюдать в поздних карабахских коврах «Верни» и «Зили».

Надо признать, что предельно упрощенное и схематизированное изображение дракона издавна имелось в местных кавказских коврах Ширвана, Губы, Газаха и Карабаха, в виде мелких “S” – образных завитков, заполнявших пустоты центального поля ковров. Мелкие крючкообразные (S) символы дракона выполняли в этих коврах роль талисманов от сглаза. Крючковатая форма дракона должна была магически «выколоть завистливые глаза», способные навредить.

Стили “драконовых” сефевидских ковров. XVII век

Местные ткачи, давно знакомые с символизмом этого мотива никогда не делали принципиальных различий в верхней и нижней части этих маленьких «крючкообразных» драконов. Отсутствие детализации в них было продиктовано их маленькими размерами и не имело существенного значения, поскольку важным был сам факт их талисманического присутствия в ковре. Расположение этих мелких «крючкообразных» мотивов драконов относительно пространственных координат ковра имело произвольный характер, поскольку у S-образных завитков-драконов не было ни «верха» ни «низа».

Попав в гладко-тканые карабахские ковры, мотив дракона претерпел основательную реинтерпретацию и превратился в крупный “S” – образной формы схематический мотив, в котором дракон уже почти не угадывался.

Предельно укрупнившиеся “S”– образные мотивы заменили старых, легко узнаваемых фигуративных драконов. Добавление двух параллельных, тонких, волнистых линий (рога) и двух коротких ногообразных элементов, сделали этот мотив еще более «узнаваемым» и похожим на дракона. Вместе с тем, эти важные дополнения помогли обозначить «верх» и «низ» дракона.

Свидетельством важности этих дополнений (рога и ноги) к схематизированным драконам, являются технические рисунки, по которым ткались эти ковры.

По материалам научной работы автора Т. Ибрагимова

Follow @AzerHistory <https://azerhistory.com/?p=37369>

Из истории азербайджанских молитвенных ковров

<https://azerhistory.com/?p=29118>

Согласно канонам ислама, каждый мусульманин обязан совершать молитву пять раз в день. Как известно, обряд молитвы (намаз) возник раньше, чем появился молитвенный ковер (намазлык).

До их появления на территории Азербайджана мусульмане совершали намаз на обыкновенном ковре. Молитвенный ковер в своей верхней части отличается от обычного изображением арочного элемента, называемого михрабом.

Первые образцы текстиля с изображением михраба появились в VI в. в Египте, а первые молитвенные ковры были сотканы в Турции в XIV-XV вв.

В Азербайджане первые тканые ковры с изображением михраба появились лишь в XIX в. Причем исследования показывают, что у молитвенных ковров не было обнаружено ни одной специальной композиции, которая отличалась бы от других.

Это были традиционные ковровые композиции разных ковровых школ, таких как Пиребедил, Кабыстан, Фахралы и других. Их единственным отличием был декоративный арочный элемент – михраб – в верхней части.

Из исторических источников известно, что в средневековом Тебризе при дворцах находились мастерские «китабхана», где создавались прекрасные произведения искусства и велось обучение будущих художников.

Понятия «мастерская» и «дворец» сливались. Художники, работавшие при дворцовых мастерских, были разносторонне развитыми людьми и составляли в совокупности культурный и интеллектуальный потенциал эпохи. Их знания, как и интересы самих азербайджанских правителей, охватывали различные области науки и искусства – историю, философию, литературу, поэзию, музыку.

Следует отметить, что любая форма искусства, имевшая свои традиции на Востоке, являлась и отражением мировоззренческих принципов. Через

орнаментальные формы раскрывались более глубокие, идейные стороны искусства.

Орнамент был не просто декором, но и мощным выражением более сложных многогранных чувств и эмоций. Эти чувства в значительной степени являлись отражением широко распространенных суфийских представлений, без знания которых невозможно понять идейную сторону азербайджанского искусства.

Суфии играли важную роль в организации ремесленных орденов (футувва), которым принадлежала значительная роль в общественной и художественной жизни мусульманского средневековья. Не было ни одной придворной или городской мастерской, где бы ни работали художники-суфии, принимавшие активное участие в развитии придворного искусства.

Влияние суфизма на искусство было обусловлено тем, что в самих разнообразных видах творчества суфии видели возможность постижения Бога. Вместе с тем Бог был не только познаваемой Истиной, но и высшей красотой, а следовательно, был красив и созданный Им мир, воссоздаваемый художниками.

Отсюда и присущая мусульманской культурной традиции идея прекрасного, нашедшая свое выражение в поэзии, каллиграфии, миниатюре и коврах, где постижение мира происходило через идеальные, изысканные формы. Утонченный декор ковров тебризской школы был призван передать красоту мира, созданную Богом.

Таким образом, как было сказано выше, самые ранние азербайджанские молитвенные ковры были сотканы в Тебризе в эпоху Сефевидов в XVI в. Все они отличаются богатством орнаментальных мотивов, насыщенностью арабскими надписями в их верхней части.

Что касается цветовой палитры, то в оформлении, кроме традиционного красного, использовались темно-синий индиго и различные оттенки зеленого цветов, что связано с символикой мусульманской культуры.

Таким образом, тебризские молитвенные ковры XVI в., как бы явились эталоном для оформления молитвенных ковров последующих столетий. Однако следует заметить, что тебризские молитвенные ковры конца XVII в., а также XVIII-XIX вв. постепенно отошли от канонических форм.

Традиционная форма человеческого силуэта постепенно превращается в декоративную арку. Исчезают надписи, но остаются исконно присущие им

свойства – богатое орнаментальное оформление. В XVII в. также появляются молитвенные ковры для коллективного моления, называемые “сафф”.

Молитвенные ковры Газахской, Карабахской, Кубинской, Ширванской и других школ XIX-XX вв. не имели канонических размеров: встречались ковры размерами 202х127 см, 180х90 см, 210х120 см и 163х100 см.

Это еще раз доказывает, что народные мастера не придавали особого значения размерам молитвенного ковра, хотя его размеры должны быть каноническими, то есть 160 х 120 см, ни больше, ни меньше. Как было сказано выше, народные молитвенные ковры не имеют собственной композиции.

Обычно композицию с традиционным узором в верхней части ковра украшали тонкие или широкие линии геометрического элемента арки. Однако часто в молитвенных коврах молодые ткачихи по незнанию выполняли элемент арки и в верхней, и в нижней частях ковра.

Надо отметить, что на ковры Ширванской школы XIX-XX вв. повлияли турецкие плюшевые молитвенные ковры – так появились ширванские ковры с изображением мечетей Сулеймание и Айя-София.

К.М.Алиева <https://azerhistory.com/?p=29118>

Европейские, американские карты и источники об Азербайджане и его населении (ФОТО) <https://azerhistory.com/?p=36482>

Распространение территории Атропатены до нынешнего Дагестана и наличие здесь испокон веков тюркских народов отмечал по итогам своих исследований французский ученый XIX века Жан-Жак Элизе Реклю. Он составил карту региона, согласно которой видно, что с античных времен территория Атропатены простиралась вплоть до Северного Кавказа.

Эта карта Жан-Жака Элизе Реклю была опубликована в дореволюционном российском издании его книги [Реклю Ж.Э. *Человек и Земля: Том I. Первобытный человек – древняя история, перевод с французского Л.Ю.Шмидта, Издательство: Изд. Брокгауз-Ефрон; СПб. 1906 г.; Реклю Ж.Э. «Человек и земля», Книго-издательство П.П. Сойкина, СПб., 1908]*

В другом издании книги Э.Реклю «Человек и земля», («Человек и земля», 1908), собран ценный материал из трудов античных авторов касательно древнего тюркского населения Мидии и Азербайджана.

Элизе Реклю отмечает: «Геродот в одном отрывке своей истории перечисляет шесть племен (родов) Мидян. Из истолкования их имен, которые пытались сделать Оперт и Ленорман, выходит, что два племени, называемые «арийскими», были того же происхождения, что и народ персидский, остальные же четыре племенные группы составляли «туранскую» основу сельского населения, разделяемую на 2 группы: оседлых земледельцев и пастухов-кочевников».

Таким образом, на землях Мидии и Атропатены процветали тюркские народы, составлявшие большую часть (согласно Геродоту: из шести племен – четыре тюркские) населения региона.

К тому же европейские востоковеды отмечали, что в знаменитой Бехистунской надписи (трехязычный клинописный текст на скале Бехистун (Бисутун) юго-западнее Экбатаны между Керманшахом и Хамаданом в Иране, высеченный по приказу ахеменидского царя Дария I о событиях 523—521 гг. до н. э) одним из трех языков был тюркский.

Напомним, что шведский ученый Эрик Нюстрем (1833—1897) в своем «Библейском словаре» 1868 года писал: «Глава Дарий: «От времени царствования этого Дария сохранилась записанная на трех языках надпись на высокой отвесной горе в Бегистуне, на западной границе Мидии. Там

изображен сам царь, попирающий лежащего мужчину, вероятно, Гаумату, который выдавал себя за Смердиса. Сама надпись состоит из 300 строк на персидском, ассирийском и татарском языках (клинопись)».

Значит, распространение территории Атропатены-Азербайджана до Северного Кавказа и ее населенность тюрками прослеживается в древних пехлевийских, античных, а также в археологических находках и надписях.

Здесь же будет уместно привести цитаты из трудов Элизе Реклю, насчитавшего в свое время около сотни клинописных надписей в Армении и Азербайджане, которые были позднее уничтожены, или же вывезены в другие страны.

Э.Реклю отмечал, что земли Кавказа, Азербайджана и нынешней Армении издревле были заселены тюркскими народами. При этом он четко локализирует Армению в Малой Азии, отмечая, что армяне переселились оттуда на Кавказ. Более того Реклю отмечает, что «армянами» себя называют много различных этносов, по всей видимости, имея при этом в виду их отношение к армяно-григорианской церкви. Э.Реклю подчеркивает, что тюрки издревле жили и правили обширными территориями, ныне относящимися к Армении.

Приведем несколько цитат по этому поводу из труда Э.Реклю:

– «С другой стороны, название «Армения» применялось в древние времена, по-видимому, к юго-западной части страны, носящей это название в наше время. Геродот знает «армян» лишь в верховьях Евфрата, вблизи Фригии и в горах, где берет свое начало река Галис. Таким образом, переселение этой народности (армян – Р.Г.) должно было совершиться в направлении с запада на восток и окончилось тем, что они попали в долину Аракса».

– «... люди, которые сами называют себя «армянами», являются евреями или курдами»

– «Спокойствие в стране (Армении – Р.Г.), правда, нарушалось нередкими нападениями киммерийцев и скифов; название этого последнего народа встречается даже при упоминании Страбоном области Армении в верховьях Аракса, носившей название Саказены (Сакасена – страна саков – Р.Г.)»

О том, что территории Азербайджана охватывали значительную часть Южного Кавказа, в том числе нынешнюю Армению, а также на севере включали и Дербент, писали европейские авторы и картографы XVIII-XIX

вв. Они фактически подтвердили данные средневековых арабских и иных источников об Азербайджане.

Сведения об Азербайджане, который согласно Туркманчайскому договору 1828 года, был разделен между Российской и Персидской империями, дают несколько различных источников. Но прежде можно сослаться на карту немецкого картографа XVIII века Георга Маттеуса Зойтера, составленную в 1730 году, на которой территории Азербайджана охватывают обширные земли Южного Кавказа, в том числе современную Армению, где тогда располагалось Эриванское ханство.

Весьма интересным источником по географии Азербайджана в период после присоединения к России, является американская карта, составленная Томасом Брэдфордом (1802–1887 гг.). В его «Полном атласе: географическом, историческом и коммерческом», опубликованном в Бостоне в 1835 году, на карте «Persia, Arabia, Tartary, Afghanistan», территории Азербайджана распространяются, в том числе на нынешнюю Армению и ее столицу Ереван.

Т.Г. Брэдфорд составлял карты, как Соединенных Штатов, так и иностранных государств и был младшим редактором «Американской энциклопедии» («Encyclopedia Americana») — первой значимой энциклопедии, опубликованной в Соединенных Штатах.

В 1838 году британское общество Society for the Diffusion of Useful Knowledge (1826-1848), издало энциклопедию «Thepennycyclopædia», согласно которой, мусульманское население Карабаха почти в 10 раз превышало армянское. Также английский источник констатирует имевший в тот период массовый отток мусульманского населения из Карабаха в Иран, откуда параллельно происходило организованное русскими властями повальное заселение армянами карабахских земель:

Согласно источнику: *«Население Карабаха, согласно официальным ведомостям о доходах в 1832 году состояло из 13,965 мусульманских и 1491 армянских семей, помимо некоторых несториан и цыган. Малочисленность населения Карабаха можно объяснить частыми войнами, которые долго разоряли провинцию, а также эмиграцией в Персию многих мусульманских семей после ее присоединения к России, хотя вслед заключению Туркманчайского мира Российское правительство побудило многих армян к эмиграции из Персии в Карабах».*

Карта с Азербайджаном на Кавказе, 1730 г. Г. М.Зойтер (1730 Seutter Map of Ottoman Empire, Persia and Arabia)

В 1864 году английский консул в Тебризе Кейт Аббот, в меморандуме для Королевского географического общества, дает сведения об Азербайджане: «Страна, известная персам как Азербайджан, разделена между ними [Персией] и Россией. Последняя владеет 5/8 [Азербайджана], территория которого составляет примерно 80.000 кв.миль или равна площади Великобритании; таким образом, 50.000 кв.миль принадлежит России и 30.000 кв.миль – Персии. Российская часть [Азербайджана] граничит с севера и северо-востока с горами Кавказа, простирающимися до окрестностей Баку на Каспии. На западе в него входят провинции Имеретия, Мингрелия, Гурия и Ахыска, принадлежащие теперь России; на востоке – Каспийское море, а на юге граница обозначена рекой Аракс (Аракс) ... через Муганскую степь к округу Талыш и маленькой рекой Астура (Астара), которая течет через этот край в Каспийское море.

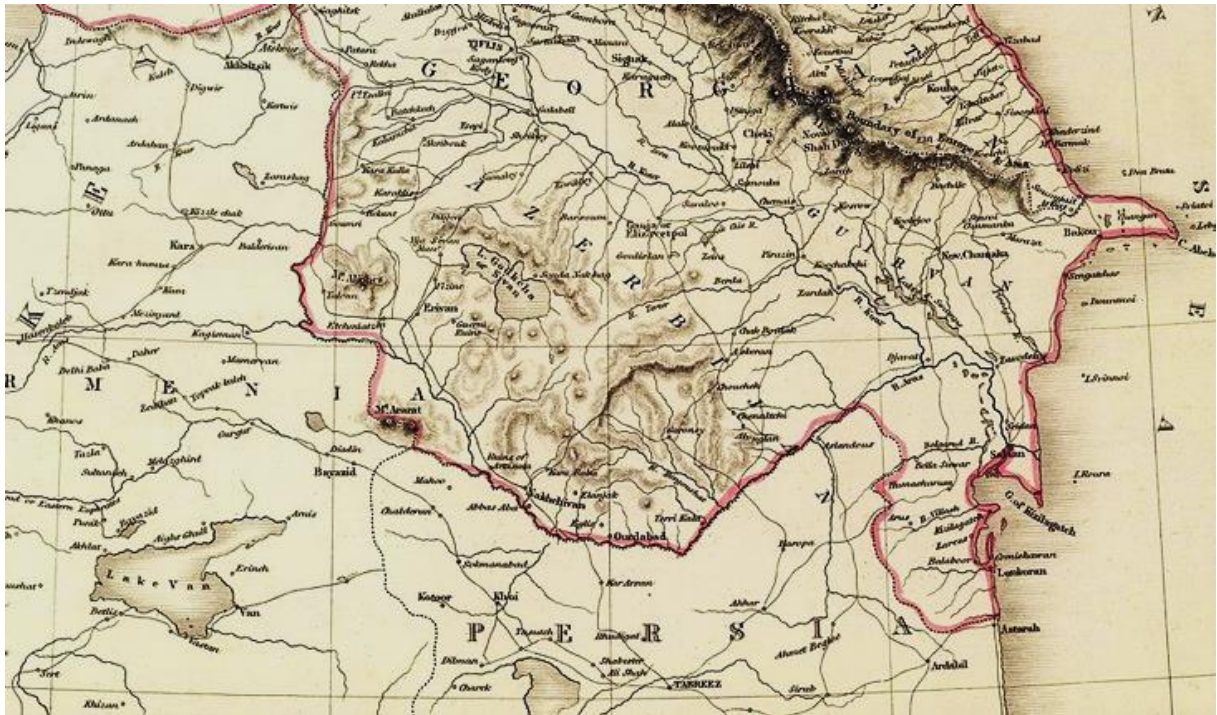

Азербайджан на карте Т.Брэдфорда, из атласа «Persia, Arabia, Tartary, Afghanistan» (1835 г.)

Карта, составленная в 1835 году и опубликованная в 1844 году этим британским Обществом, также указывает Азербайджан, в том числе на нынешних территориях Республики Армения.

В данную область входят следующие территории: Грузия или Гюрджюстан, состоящая из Кахетии, Картли, Сомехети, Казаха; магометанские области Эривань, Нахчыван, Карабах, Гянджа, Ширван, Шеки, Шамаха, Баку, Куба, Сальян и часть Талыша».

Из меморандума английского дипломата, видно, что к 60-м годам XIX века, население Иревана, Нахчывана и Карабаха даже после переселения сюда нескольких сот тысяч армян из Персии и Турции, по-прежнему оставалось преимущественно магометанским и тюркским.

Карта: Lowry, J.W.; Sharpe, J. Russia at the Caucasus

О том, что в состав Азербайджана входили обширные территории на Кавказе, в том числе те, где ныне создана Армянская Республика, писал британский «Универсальный географический справочник» в начале XIX века: «Адербейджан или Азербейджан – богатая провинция в Персии, расположенная на западном побережье Каспийского моря. На севере с Адербейджаном граничит Грузия. Столица [Адербейджана] – город Тавриз. Климат в Адербейджане благоприятный, но холодный».

Есть еще один интересный источник начала XIX века, когда еще не началась Российская экспансия на Кавказ, в Азербайджан обернувшаяся массовым заселением в регион армян из Малой Азии и Ближнего Востока. Речь идет о записках французского востоковеда Амабль Луи Мария Мишель Журдена, вышедших в Европе в 1814-15 гг., где он, описывая Азербайджан отмечает: «Находятся еще Армяне в Адзербаиджане, в кантонах Мерагаском, Урмиагском, Салмаском, Таврийском, Карабагском и Ериканском (ошибка при оцифровке текста – в оригинале текста А.Журдена написано в “Ериванском” – Р.Г.). Число их, полагаемое до 60,000 человек, превышает всякое вероятие».

Французский востоковед включает в состав Азербайджана обширные территории в Малой Азии и на Южном Кавказе, в том числе включая в Азербайджан весь Карабах и Эривань.

К тому же согласно его подсчетам количество армян во всем Азербайджане составляет чуть больше 60,000 человек. А.Журден в основном перечисляет армянское население азербайджанских территорий в Персии. А на Южном Кавказе в Карабахе (куда в тот период входили обширные территории Азербайджана, в том числе и Зангезур) армян было не более 10-12 тыс. человек.

Подробнее ознакомиться с записками А.Журдена, где он описывает Азербайджан, славные традиции Каджарской азербайджанской династии правившей Ираном, восхищается наследным принцем иранского трона Аббас-Мирзой, и отмечает особую роль тюрок в истории этого региона, можно в «Вестнике Европы» за 1815 год.

Обширные данные об истории, территории и административном устройстве Азербайджана, собраны в материале «Первая мусульманская республика – Азербайджан», напечатанном в Париже в 1919 году во французском журнале «Обозрение мусульманского мира».

Follow @AzerHistory <https://azerhistory.com/?p=36482> Р.Гусейнов

**Все фото и изображения в материалах принадлежат их законным владельцам.*

В частности относительно территории Азербайджана во французском журнале отмечается: «Существуют два Азербайджана, заселённых тюрками, с иранской культурой и шиитским Исламом:

Табризский Азербайджан в Персии и Бакинский Азербайджан в Закавказье... В течение многих веков, территория Азербайджана на Кавказе ограничивалась на востоке Каспийским морем, на юге Персией, на западе Турцией и Грузией, цепью больших гор Кавказа на севере и состояла из независимых ханств, а именно Гянджи, Еревана, Нахичевани, Карабаха, Шеки, Ширвана, Талыша, Баку, Кубы и т.д., территории которых, переходя по наследству, управлялись суверенными ханами. Совместными были законодательство, судебное и административное управление, но (ханства) имели право на отдельную денежную систему, таким образом, все внешние сношения были сконцентрированы в руках ханов. Одним словом эти ханства были суверенными в своей жизнедеятельности, а также хорошо относились к своим соседям».

Вышеприведенные европейские источники четко описывают территории Азербайджана на Кавказе и относят к ним, в том числе земли, где позднее была создана Республика Армения. К тому же конкретно сказано, что именно

Россия и Персия разделили Азербайджан на две части – факт, который в дальнейшем усиленно пытались отрицать некоторые российские и армянские историки, политики и эксперты.

№ 79. Пути сообщенія въ области Анти-Кавказа.

Армянский Тавр (Нагорье) локализуемое в Малой Азии

Подготовлено автором для стран «Каспийской пятёрки».